Александр Красницкий

Гроза Византии

Александр Иванович Красницкий

Гроза Византии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172353
Красницкий А. Гроза Византии: Кронос;
ISBN 5-88063-028-5

Аннотация

Исторический роман «Гроза Византии» известного русского писателя начала XX века А. И. Красницкого (1866–1917) пронизан главной темой – стремлением славян к созданию могучего государства. Как трудно шел этот процесс, какие условия и мужество требовались первым русским князьям, чтобы утвердить свое величие, об этом и узнает читатель.

Содержание

Часть 1. Голубые и зеленые 4
I. На берегу Босфора 4
II.Тень прошлого. 8
III. Беглец. 11
IV. Древняя Византия. 14
V. Обломки языческого мира 17
VI. Новый Рим 21
VII. Святая София 24
VIII. Здание на песке. 27
IX. Под пышной декорацией 29
X. Еще о недугах Нового Рима 32
XI. Женщина Нового Рима 37
XII. Значение женщины в Византии 40
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Александр Красницкий
ГРОЗА ВИЗАНТИИ

С.-Петербург, 1898 г .

Часть 1. Голубые и зеленые

I. На берегу Босфора

День догорал.

Ярко-багровый диск заходящего солнца купался уже в позолоченных его же последними лучами волнах Босфора. Он как бы медлил погрузиться совсем в эту беспредельную гладь и, казалось, отдыхал теперь в отрадной вечерней прохладе, сменившей зной дня. Последние лучи его продолжали еще упорно бороться с надвигавшейся темнотой ночи. Они золотили не только воды пролива, теперь безмятежно покойного, но также играли и на куполах императорского дворца, на крестах дворцовых церквей и, золотя яркую зелень густых деревьев парка, полутенями спускались к самому берегу и пропадали в чуть заметной ряби Босфора, подходившего в этом месте как раз к подножью роскошных густолиственных деревьев, которые в свою очередь, как зеленой рамкой, окаймляли берег.

Было очень тихо. Сюда почти что не доносился грохот и гам Нового Рима – его заглушали деревья парка и шум волн. Редко-редко чириканье птиц нарушало торжественную тишину этого покойного уголка всегда так шумной Византии.

Впрочем, не одни только птицы и волны Босфора нарушали эту тишину.

Неуклюжая рыбачья ладья, покачивавшаяся у берега, показывала, что где-нибудь близко были люди.

И, в самом деле, этот уголок был обитаем.

В нескольких шагах от воды видна была покачивающаяся жалкая лачужка. Растянутые около нее для просушки сети, невода, небрежно кинутые у самого входа весла прямо говорили, что хозяин этой лачужки несомненно был рыбаком по профессии.

Около входа хижины, на небольшой прикрытой травой прогалинке, на камне сидел старик, нежась на догоравших лучах солнца. Он был согбен и сед. Волосы на его голове и длинной бороде были белы, как снег. Старчески сморщенное лицо с крупными чертами было очень добродушно. Выцветшие от лет глаза смотрели тепло и ласково.

Одет он был чуть ли не в лохмотья, едва прикрывавшие его пепельно-серое тело.

Впрочем, в этом уголке другой одежды, пожалуй, и ненадобно было. Люди сюда заходили редко, а молоденькая девушка, склонившаяся своей головкой на колени старика, никогда бы его не осудила за недостаток в одежде уже хотя бы по одному тому, что старик, ласково гладя ее рукой по голове, называл внучкой.

Девушка была очень молода и красива. На вид ей нельзя было бы дать более 15-16 лет, и это отражалось в ее невинных, чистых глазах с открытым прямым взглядом, в беззаботном, веселом смехе и шаловливости, которая так свойственна тем переходным годам, когда в ребенке-девочке только что просыпается женщина.

Она была красива, но, очевидно, не сознавала своей красоты. Однако, эта красота была совсем особенная. Среди красавиц Нового Рима блондинки были редкостью, а эта девушка была блондинка с золотистыми волосами, ясными голубыми глазами и ярким румянцем, что полымя, заливавшим ее щечки. Фигура – стройная, статная, с могуче развитым бюстом,

несколько приподнятыми плечами и крепкими мускулистыми руками. Она вся, как говорится, теперь дышала не только красотой и молодостью, но совсем несвойственной женщинам юга физической мощью, разлитой во всех ее движениях и придававшей ей какой-то самоуверенный вид.

Она полулежала на траве, опираясь локтями в колени старика, и слушала его тихую речь, перерываемую время от времени нежными обращениями ее собеседника, которого она в свою очередь называла «добрым дедом Лукой.»

Они говорили.

– Вот, так и все устроено, внучка, на этом свете, – тихо говорил старец, – всегда так было и будет… Радость и горе постоянно чередуются друг с другом. Хорошо человеку – радуется он, счастлив, думает, так уже до конца его дней будет, а в это время горе сторожит уже его и вдруг, как дикий зверь, кидается на счастливца в тот самый миг, когда он и ожидать этого не мог… И всегда так…

– И меня, стало быть, ждет горе? – вздохнула девушка.

– И ты также, Ирина, не минуешь его… Это – общая участь всех…

– Близко это горе…

– Близко? Откуда ты можешь знать, дитя?.. Наше будущее скрыто от нас…

– Так, я это знаю, чувствую… Да, наконец, ты мне и сам только что сказал…

– Я ничего не говорил…

– Нет, ты сказал!.. Ты сказал сам, что горе подкрадывается к людям всегда в то время, когда они чувствуют себя счастливыми, так, ведь?

– Да, это верно…

– Ну, вот, так и со мной… я счастлива, безмерно счастлива, порой мне кажется, что счастливее меня никого нет во всей Византии, а вот, теперь я и думаю, что как раз горе и сторожит мое счастье, пронесется оно, унесет его, и я буду плакать, долго плакать…

– Отгони от себя мрачные мысли, дитя! Кто знает будущее?.. Тебе придется страдать, как и всякому, но что же поделать, если уже так суждено… да и счастлива ли ты теперь?..

– Счастлива, дедушка, я уже тебе сказала об этом… Да и как же я могу быть не счастливой? Все у меня есть: ты выезжаешь на ловлю и всегда привозишь так много рыбы, что мы совсем не знаем голода, а что же еще? Кругом всего так много! Вот, видишь, там журчит наш ручеек, вода его вкусна и холодна, кругом здесь цветы, красивые цветы, и я могу ими украшать свою голову… Я так хорошо умею плести венки… Наконец, ты, когда ходишь с рыбой к дворцовому куропалату, всегда получаешь от его слуг обильные подарки, так что нам даже не нужно заботится об одежде… Видишь, всего у нас вдоволь, все есть, и живем мы тихо и покойно, не трогая других и сами забытые всеми…

Старик тяжело вздохнул.

– Когда бы всегда так было, Ирина! – печально промолвил он.

– Так и будет всегда…

– Нет, нет… так не может всегда быть… Я стар, дни мои сочтены, жизнь моя позади, ты молода, твоя жизнь у тебя впереди… Что хорошо для старца, совсем нехорошо для молодки… Молодость требует другого…

– Чего же, Лука?

– Мало ли чего… В твои годы все так рассуждают, потому что молчит пока сердце…

– Как молчит? Отчего?

– Оттого, что любовь еще не посетила его…

– Вот про что ты, дед! А почем ты знаешь, что я никого не люблю? Если так, то ты ошибаешься, я люблю…

– Как! Неужели? – с испугом в голосе воскликнул Лука.

– Да, да! люблю… люблю, вот, эту хижину нашу, люблю свет солнца и это море, потом люблю нашу лодку, птиц, которые собираются клевать крошки после нашего обеда, люблю, когда звонят в колокола в храмах, а потом и тебя люблю…

– Хвала Создателю! – с облегчением вдохнул старик. – А я думал, что и в самом деле горе уже постигло тебя…

– А разве любовь – горе?

– Да, дитя…

– Я думала, что – счастье…

– Для кого как… Для очень немногих на земле это, может быть, и счастье, только такое смутное, неясное, тревожное счастье, что, пожалуй, горе для человека – лучший удел, если сравнишь их; для остальных же любовь – горе, тяжелое, страшное горе…

– Вот как!

– Это верно… Видишь, я стар, долго, долго живу я на свете и твердо знаю это…

– Ты любил?

– Да, и меня постигло это горе… Оно неизбежно для всех…

– Но ты говорил, что был счастлив с твоей женой.

– Ты права… Мать твоего отца дала мне счастье, какое только возможно на земле, но это-то счастье и было вместе с тем горем…

– Я не понимаю тебя!

– Поймешь сейчас: я боялся потерять это счастье и мучился, а когда потерял мою жену, то, вот, прошло уже тому много лет, я не знаю счастья, а терплю только одни муки…

– Она умерла?

– Да, с тоски по свободе и с горя, что жена ее сына убила себя сама… я до сих пор вижу страшную рану на ее горле…

– Убила? Зачем?

– Ты хочешь знать, дитя? Так я скажу. Она любила нас и решилась скорее умереть, чем расстаться с нами… Хочешь я расскажу тебе все… теперь ты выросла и должна знать, как ты попала сюда… Мне уже не долго жить на свете, и я должен, наконец, рассказать тебе все… Ты будешь слушать?

– Да, дед… Ты много раз обещал мне поведать это, но как я тебя ни просила, ты никогда не был со мной откровенен… отчего это?

– Не приходило время еще?

– А теперь пришло?

Старик задумался.

– Не знаю, что и сказать тебе, как ответить на этот вопрос… Чувствую, что оно не пришло – это время, но тут же чувствую, как какие-то мрачные предчувствия так, вот, и одолевают меня… Откуда это? Почему? Не знаю сам, но чувствую…

– Что же ты чувствуешь, Лука?

– Многое, ох, многое, дитя.

– Тобой недоволен курополат…

– Нет, этого нет!.. А, вот, чувствую я, что жить мне недолго, ох, недолго остается.

Ирина вскочила и с трепетным страхом смотрела на старика.

– Дед, дед! Что ты говоришь! Опомнись, – лепетала она.

– Что, дитя, чего ты так испугалась?..

– Ты сказал про смерть и так сказал, что и я поверила… ты сказал это совсем по особенному, в твоих словах была страшная уверенность…

– Что делать?.. Этот конец неизбежен для всех живущих…

– А как же я?..

– За тебя-то мне и страшно!.. Да, за тебя… Ты – последнее звено, приковывающее меня к жизни… самое последнее… Ради тебя только и живу я… Что я такое? Одинокий, жалкий, затерявшийся среди чужих старик… все равно, как дерево, вырванное с корнем налетевшим вихрем и перенесенное на чужую почву… вот я… Привился, прозябаю, зачем? К чему?.. Только, вот, ты, ты – мой побег молодой, молодая лоза, вот, и жалко мне тебя…

– Лука, дед, старый дед, ты не умирай, ты послушайся меня, не умирай, – с громким воплем кинулась к нему на грудь Ирина.

– Да я и не думаю умирать.

– А сам сказал…

– Сказал только, что тоска меня смертная гложет, может быть, я еще и ошибаюсь… Может быть, все это пустяки из пустяков – так, плохо спалось, а вот, все-таки хочу я тебе рассказать про прошлое, и узнай на всякий случай…

– Лучше не говори, Лука.

– Отчего же, дитя?

– Ты так напугал меня… вот, я и не хочу слушать…

– Полно, успокойся, ну, не плачь-же, прошу тебя, не плачь.

– Я не буду слушать, ты собираешься умирать, вот, и хочешь мне рассказывать про свою прошлую жизнь…

– Ты должна слушать… если что случится, ты должна знать, кто ты … будешь?

Ирина потупилась.

– Будешь слушать? – настойчиво повторил Лука.

– Говори, буду! – прошептала девушка, отирая рукавом слезы.

II.Тень прошлого.

– Слушай же, дитя, слушай и на всю жизнь запомни мои слова, – начал Лука, поудобнее усаживаясь на своем камне. – Ты живешь на свете уже 16-ю весну и помнишь себя всегда, вот, здесь, в этом тихом уголке дворцового парка; но, может быть, смутно, ты припомнишь, что не вся твоя жизнь протекала здесь… не так-ли, Ирина?

– Да, да, дед Лука, как во сне иногда, особенно, когда задумываюсь, припоминаются мне высокие обросшие с вершин до скатов лесом горы, широкая река, то тихая и покойная как, вот, этот наш залив, то бурная и ревущая. Потом помню я и людей, но совсем не таких, каких я видела здесь. Они были высоки ростом, широки в плечах. У них были голубые глаза, как у меня, и белые волосы, как у тебя… Впрочем, таких, вот, людей я видела и здесь – среди варваров… Скажи же, дед, что это такое в самом деле, сон или действительность? Я думаю, что это – сон…

– Нет, память не изменяет тебе, это – не сон, не создание девичьей мечты…

– Но что же?

– То, что действительно было… Ты не здесь родилась, Ирина. Твоя родина – не шумная Византия. Первый раз свет солнца увидела ты не под сенью деревьев этого парка, а далеко-далеко от него…

– Но где же? Где, Лука?

– Сказал, далеко… слушай же и не перебивай. Далеко отсюда, от шумной и развратной Византии, за этим морем, которое кажется тебе безбрежным, есть другая страна. Она не похоже на эту. Нет там таких городов, как эта Византия, и народ там живет совсем другой – крепкий, сильный, здоровый, с русыми волосами и голубыми глазами.

– Варвары! – воскликнула Ирина.

– Здесь так называют их… Здесь, ведь, всех так называют, кто не римлянин или эллин. Только по совести – все варвары, даже дикие, и те добрые и лучше жителей Нового Рима… Я знаю этих варваров близко, потому что я родился там, среди них детство, юность, взрослые годы, начало наконец, старости, провел в этой стране, потому здесь я сам – варвар.

– Ты никогда не говорил мне этого…

– Не приходило время, дитя… да, я – варвар… Моя родина за этим морем, на берегах великой славянской реки Днепра. Там я родился, там жил, любил и был счастлив, но, видно, умереть мне там не суждено… Родина моя, родина, далекая, милая!.. Поля мои зеленые, леса дремучие, непроходимые!.. Не увижу никогда я вас, не вдохну своей старой грудью того воздуха, которым дышал, когда родился… все потеряно для меня, и только в грезах моих да мечтах, да во сне еще вижу я родимую сторону, и болит мое старое сердце, трепещется оно, как подстреленная птица!.. А как позор свой вспомню…

– Говори, дед, говори, я слушаю тебя! – с волнением закричала Ирина, отклоняясь от старика и становясь перед ним на колени.

Лицо ее пылало, как в огне, глаза сверкали, высокая грудь вздымалась, что волна Босфора в бурю.

– Как же ты попал сюда? Каким образом очутился здесь, старый, хилый, ведь, не по своей воле покинул ты родину? – задыхаясь от волнения, спрашивала она.

– Не по своей, не по своей! Кто же решится сам покинуть родную страну и уйти от нее… ты права… Так слушай же! Тяжело мне, а все поведаю я тебе… слушай… Там в родной мне стране, на берегах Днепра, жили наши роды… Мы жили в долинах вокруг высот, на которых стоял наш город – великий Киев. Полянами нас всех звали другие племена. Жили мы мирно, никого не трогали, не обижали, хотя нас было много. Неподалеку от нас в дремучих лесах жили древляне. Нашего корня было это племя. Говорили они одним языком с нами.

Мы их понимали, а они нас. Одним богам мы молились и жертвы приносили, только нравы да обычаи у нас были совсем разные: древляне, как звери дикие, лесные, жили – грабежами промышляли, вечно в раздорах между собой были, а наши роды тихие, смирные, хлеб растили, торговали с наезжими гостями в Киеве, сбывали им, что из земли потом да кровью своей добывали, а о битвах, о войнах, не только что друг с другом, но и с обижавшими даже нас племенами не помышляли… Да и к чему эти войны? Все, ведь, мы – родные были, недаром на всем пути великом от варяг в греки и далеко окрест по сторонам все, кто жил там, одним именем – славянами назывались: и у нас на Днепре, и на великом озере славянском Ильмене, и все, все мы, сказал уже я, по одному говорили и одним богам молились. Только одна беда наша была: не могли мы в мире и согласии между собой жить. Вечно между нами ссоры да раздоры шли, и не было между нами правды, что на Ильмене, то и на Днепре кровь братская всегда рекой лилась. Род постоянно враждовал с родом и чаще всего по пустякам, и внимания не стоившим. Оттого-то, хоть и много было нас и сильны были мы телом, зато духом слабее детей были… всякий, кто хотел, мог явиться к нам, воевать с нами и всегда побеждал. Будь между нами согласие, не было бы народа равного нам в целом свете!.. Но что же делать, если судьба не давала нам этого, а оттого и гибли мы… Так, должно быть, предопределено самой судьбой славянским племенам во веки веков… Однако, даже при этих раздорах мы жили счастливо, особенно тот род, к которому я принадлежал. Этот род славен был богатством своим и красотою своих дев голубооких. Все окрест уважали его. К старикам его приходили даже дикие древляне, если хотели ссоры свои разрешить не кровью, а мирным правдивым словом. Не смущались даже тем, что во главе рода не старик стоял, опытом прожитых лет славный, а только что пришедший в зрелый возраст родич… Впрочем, нет, не так я говорю, больше пятидесяти зим было этому старейшине, когда его сородичи над собой во главе поставили. Был он человек добрый, справедливый, хотя и в обиду никогда своих не давал. Знали его не только в родах окрест, но в самом Киеве с почетом встречали, когда он приходил зачем-нибудь туда… Только, сказал уже я тебе, дитя, что не знают смертные, где конец счастья, где начало горя – так они близко друг с другом соединены. Стал думать этот старейшина, что боги всегда будут одинаково милостивы к нему…

– Ты говоришь, Лука, боги? Разве там, на твоей родине, не веровали во Христа…

– Нет, дитя, там не знали Его тогда, а может быть, и теперь не знают…

– Но кому же там молятся?

– Кому? Главе всех богов – Перуну-громовержцу, злому Чернобогу, доброму Волосу, веселому Лелю…

– Истуканам?

– С виду истуканам, пожалуй, но на моей родине этими истуканами изображались великие силы природы. Однако, ты меня перебила… Узнай же, что случилось. Пришли в мой край злые люди, это были варяги, они из-за дальнего моря шли по своему обычному пути сюда. И прежде они часто проходили мимо, но никогда ни мы им, ни они нам зла не делали. Дружно всегда жили. Они выменивали у нас хлеб и сырье не свое железо и оружие. Так шло многие годы. Тут вдруг они явились к нам не с добром, а с мечом… После я уже слышал, что вышли у них распри с приильменскими родами, и покорили они их под свою власть, потом и к нам явились с военной грозой… Ну, могли ли мы им сопротивляться? В ратном деле они очень искусны были, а мы едва умели в ряды построиться. Так и не смогли мы защитить себя от врага. Помощи нам ни откуда не было. Все соседние роды разбежались, и остался один только мой род, один на один с врагом лютым. Кто успел в леса к древлянам убежать, тот спасся. Больше всего побили на месте, а многих в плен забрали и с собой, вот сюда – в Византию, как рабов, увезли. И старейшина увезен был со всей семьей своей, как раб. Были у него жена, с которой он прожил душа в душу, дочь, твоих, вот, лет – красавица, сын с женой и сыном маленьким. Так их всех и взяли. В Византии на рынках рабов семьями

всегда охотно покупали. Варяги рассчитывали продать их там или на своих выменять. А тут еще славянский старейшина… за него рассчитывали и взять больше, хотя он и не молод был. По дороге, пока морем плыли, они обращались хорошо со всеми своими пленниками – никого не обижали, кормили, поили, причем от себя не отделяя, работать заставляли – когда вихря не было, грести мы должны были, – да это ничего было, легко. Старейшина пленный только грустил тогда. Еще бы, первым человеком был, а то вдруг жалким рабом стал… Так переменчиво счастье людское!..

– Дед, ведь, этот старейшина был…

– Молчи, дитя, и слушай! Ведь, только начинались беды этого старейшины тогда. Сын его любимый, единственный, Всеслав, вдруг одному из вражеских вождей полюбился. Молодец был этот Всеслав, во всем роде другого такого не было. Силы и удали он был непомерной и лицом пригож, и станом строен. Взял его варяг к себе, отнял от отца и матери, от жены молодой, и больше с той поры не видели они его никогда, и что с ним сделалось, скрыла от них судьба. Да и не суждено им знать, уже свидеться более. Плакала мать и жена, когда их разлучили, да что? Разве слезами поможешь тут чему-нибудь?.. Разлука ли, горе ли повлияли – не знаю, только у оставшейся жены старейшенского сына тут же на варяжской ладье дочь родилась. Варяги-то только смеялись да радовались, одного, говорят, нет, на его место новая пленница явилась, все что-нибудь в Византии и за нее дадут… Впрочем, они мало обращали внимания на пленных, пока, наконец, не прибыли в Византию. Там варяги всех и сковали попарно. Старейшина был скован не только с женой своей, но и с дочерью, и с женой своего сына. Как плакала тогда она бедняжка… Малютка была у нее на руках, чувствовала она, эта бедная мать, что скоро, скоро придется ей навеки расстаться со своими детками! Так это и сталось! Красавица была эта славянка, здесь таких нет, и как она была похожа…

Лука вдруг умолк и пристально посмотрел на Ирину.

– На меня? – тихо промолвила девушка, потупя взгляд.

– Да, на тебя…

– Это была моя мать?..

Но старик, как-будто не слыша этого вопроса, продолжал:

– Нас вывели на рынок. Не одни мы там были. Много, много рабов было выставлено на продажу. Только как совестно было стоять. Мы ничего не понимали, что говорили вокруг, но нас осматривали, как скот какой-нибудь. Меня – славянского вождя, заставляли раскрывать рот и показывать свои зубы… Позор!.. О, какие страданья я тогда перенес!.. Я не заметил, как увели от меня мою дочь, я даже не знал, кто купил ее, в себя меня привел отчаянный крик твоей матери… Она понимала по-эллински. Ей сказали, что ее отдадут в рабыни старому развратнику византийцу, купившему ее по дорогой цене. Закипела славянская кровь тогда. Смерть казалась лучше и слаще позора… Как-то выхватить она успела у близко стоявшего варяга его короткий меч и закололась прежде, чем кто-нибудь смог отнять у нее оружие… Это была твоя мать, Ирина… Но что это такое?

Вблизи от них, в кустарниках, слышен был треск ломившихся ветвей. Как-будто кто-то поспешно пробирался через чащу сюда на берег.

Старик вскочил, Ирина тоже. Треск слышался ближе и ближе.

III. Беглец.

Прошло всего несколько мгновений – мгновений смутного и тревожного ожидания, показавшихся Луке и его внучке очень-очень долгими. Ни тот, ни другая нисколько не растерялись. Они знала, что зверей в парке нет, что от воров и грабителей, которыми кишела Византия, парк бдительно охраняется, что он окружал собою императорский дворец. Если же человек идет не прямою дорогой, а пробирается через кусты, то, стало быть, для этого есть какая-нибудь особенная причина.

Но какая?

Сюда, в этот уголок так редко заходили люди, что появление человеческого существа, да еще при таких обстоятельствах, могло грозить Бог знает какими неприятностями. В этом же случае нельзя даже было предугадать, как следовало поступить: встретить ли гостя или обороняться от него?

Однако, все эти недоумения быстро рассеялись.

Из чащи кустарников на прогалину выскочил человек и остановился как-бы пораженный присутствием людей.

Он был очень еще молод, но лицо его все было покрыто загаром. Глаза его были такие же голубые, как и глаза Ирины, а грива густых русых волос, в беспорядке падавших по плечам, также указывала на его невизантийское происхождение. Одежда на нем была вся изорвана – недаром же он пробивался сквозь чащу кустарников. Из-под лохмотьев просвечивалось мускулистое розоватое тело. Руки незнакомца казались чрезвычайно развитыми, да и сам он весь был олицетворением физической мощи.

Он стоял, тяжело дыша, и вопросительно глядел на старика и молодую девушку.

Очевидно, незнакомец соображал, кого он встретил в этих двух существах – друзей или врагов.

Наконец, он решился заговорить.

– Кто бы вы ни были, спасите меня!..

Эти слова были произнесены далеко не чистым византийским говором. Напротив того, незнакомец коверкал и ударения, и окончания, выговаривая все на какой-то особый лад.

В Византии так не говорили, и было видно по всему, что этот человек – иностранец…

Однако, Лука и Ирина сразу поняли незнакомца. Раз он обратился к ним с просьбой о спасении и помощи, он уже не мог быть им врагом. Это было ясно для них. Притом же этот юноша казался утомленным, ослабевшим до последней степени. Бояться насилия с его стороны было нечего.

– Кто ты? – тихо спросил его Лука.

– Все равно… потом… Пока только одно – спасите!..

– Спаси его, Лука, укрой его! – воскликнула Ирина, – посмотри: он изнемогает…

– Но если сюда придут…

– Так что же? Кто найдет, если ты его спрячешь?..

Старик был в нерешительности. Он взглядывал то на внучку, то на так неожиданно появившегося в этом уголке юношу. И тот и другая с мольбою смотрели на него, ожидая решительного ответа. Лука боролся. Он и желал спасти незнакомца, и в то же время боялся, чтобы не пришлось самому пострадать за это. Последнее чувство пересилило.

– Нет, – проговорил он, опуская глаза в землю, – не могу я это сделать, я сам не свой… Из милости только позволяют мне жить здесь, и, если я навлеку на себя гнев куропалата, мне придется плохо… Уходи ты, я не буду тебя задерживать, но и не надейся, чтобы я спас тебя… то чего – даже я сам не знаю…

– Лука! – воскликнула Ирина, – ты отказываешь ему…

– Мне нечего больше сделать… Уходи-же, друг, и я никому не скажу, что ты здесь был…

Юноша тяжело вздохнул. Он по тону старика видел, что ему нечего ожидать помощи.

– Постой, Лука, – снова заговорила Ирина, – ты гонишь его, пусть так… но он, может быть, голоден… Позволь же мне накормить его. Тогда уже пусть он идет… Так, ведь, Лука? Я вижу, ты согласен, да? Пойдем же, незнакомец, в нашу хижину и стань хотя бы ненадолго нашим гостем… Знай, что в гостеприимстве даже заклятым врагам не отказывают славяне…

– Славяне? Славяне – вы? – воскликнул юноша с удивлением.

– Да!.. Но что?

– Сами боги привели меня сюда… – Ты, милая девушка, и ты, старик, узнаете: я тоже славянин!..

– Славянин? – воскликнул Лука, – ты?

– Я…

– Откуда, откуда, скажи скорей?..

– С Днепра, старик…

– Из-под Киева?

– Да…

– Вот, видишь, дед, а ты хотел ему отказать в помощи, – торжествующе проговорила Ирина. – Пойдем же! Я не знаю, как тебя зовут?

– Изок… по времени, когда я родился…

– Ну, вот… а меня зовут – Ирина, его – дед Лука…

– Таких имен нет на Днепре…

– Ты прав… но прежде он назывался по другому… не Лукой… Так, ведь, дед?

– Да, да… Но поди же приготовь ему трапезу, дитя… а мы подумаем, что можно будет сделать…

Ирина скрылась в лачуге. Лука и Изок остались одни на поляне.

– Сядь, ты устал, – сказал Лука, указывая на камень. – Скажи, как ты попал сюда?.. Откуда ты?..

– Я скажу тебе, старик, делай, как хочешь… я бежал из темницы…

Лука задрожал.

– Из дворцовой темницы… Ты как попал в нее?..

– Я захвачен был два года тому назад в плен и продан сюда в рабство.

– Но кто же захватил тебя?

– Вблизи от того места, где наш Днепр впадает в море, основаны теперь греческие города… Около одного из них и захватили меня.

– А как ты к нам попал? Я помню, еще на родине я слышал об этих городах, но они никогда не воевали с днепровскими родами…

– Это было при тебе, только если ты – славянин, действительно… теперь на Днепре все не то…

– А что?

– Все изменилось… В Киеве есть князья, которым все приднепровские роды платят дань и дают в их дружины своих сынов…

– Князья… вот диво! Но кто они!..

– Варяжские витязи… Аскольд и Дир – так их зовут на Днепре… Они пришли к нам с Ильменя и прогнали Казар… за это поляне и признали их своими князьями…

– Так, так… И лучше стало жить на Днепре?

– Еще бы! Явилась правда… всякий стал знать, где и у кого искать защиты…

В это время только что завязавшийся разговор перебило появление Ирины.

– Иди, Изок, сюда, – крикнула девушка. – Ты расскажешь дедушке все, что захочешь рассказать, а теперь подкрепи свои силы…

– Иди, и я пойду с тобою, но прежде скажи мне, что я могу для тебя сделать?

– Укрой меня, умоляю тебя, укрой, если будет погоня… не выдай! Укроешь?

– Попробую… только бы удалось… Пока отдыхай. Ирина была права, когда сказала, что славяне никому не отказывали в гостеприимстве.

– И в помощи, Лука, – дополнила девушка, – особенно своим…

Они скрылись в хижине.

Сумрак наступающего вечера быстро сменился мглою ночи.

Все затихло, откуда-то издалека доносился лай сторожевых собак.

Даже гром и гул всемирного города стал тише.

Ночь наступила.

IV. Древняя Византия.

Тот шумный город, в тихом и скромном уголке которого мы только что познакомились с стариком Лукой, его внучкой Ириной и молодым варваром Изоком, в описываемое нами время достиг высшего своего великолепия и даже затмил собой в этом отношении Рим, переживавший уже период упадка.

Византия же все украшалась и украшалась.

Целые пять веков скапливались здесь, по воле ее владык, богатства всего мира, и эти богатства являлись не чьим-либо личным достоянием, именно собственностью этой новой столицы уже не древнего, а нового мира.

Она была столицей волшебной по своему великолепию, могущественной по своему положению, как сосредоточие торговли Европы, Азии и Африки, и глубоко испорченной по своим нравам.

Сказочное великолепие востока сменило в Византии утонченную роскошь запада.

Но не всегда Византия была так великолепна.

Пять веков до начала рассказа это был жалкий городишко и даже не городишко, а просто большой поселок, жители которого постоянно трепетали за свою участь, так как каждый день, каждый час, каждую минуту жизнь их висела на волоске.

Однако, даже и тогда жители, особенно те, которые являлись среди других своих сограждан носителями традиций старины, гордились своим происхождением, своей прошлой славой, наконец, тем, что их жалкий разоренный городок, во всяком случае, являлся ключом из Азии в Европу.

Так оно было и на самом деле.

С одной стороны берега Византии омывало Черное море. На берегах его лежала именно та Азия, которая являлась в течение многих веков угрозой не только для Эллады, но даже и для гордого Рима. За этим морем жили таинственные скионы в своих никому еще тогда неведомых землях. Там же лежали страны Гиперборейские. Через это море можно было попасть в таинственную Биармию, о кое-какие сведения известны были и в Византии. С другой стороны омывало ее берега море, приносившее сюда все товары Европы, а вместе с ними иногда и грозные флоты всепобедного Рима.

Итак, коренным обитателям Византии до известной степени было чем гордиться своей родиной…

Пылкая южная фантазия создала массу легенд о первоначальном основании Нового Рима.

Конечно, при этом не обошлось без сказаний, относившихся ко временам самой седой старины.

Так, например, есть предание, что один из вождей аргонавтов – Визант, происходивший по прямой линии от самого Посейдона, возвращаясь из знаменитого похода за золотым руном, так пленился чудной местностью на берегу Пропонтиды, что решил здесь остаться навсегда. К нему примкнуло несколько храбрецов, и они, поселившись здесь, положили этим начало новой греческой колонии, названной, по имени основателя, Византией.

По другому сказанию, относимому уже не к так отдаленным временам, этот Визант вовсе не был одним из аргонавтов, а просто начальствовал над выходцами из Мегары, с которыми он и основал новую колонию в 3-м году 30 олимпиады [1] на европейской стороне Босфора.

[1] В 658 г . до Р.Х.

Важное значение этой колонии, находившейся в местности, господствовавшей над узким проливом, соединявшим Черное море с Мраморным и имевшим при себе единственную в мире по удобству для стоянки судов бухту [2], сразу обратило на привлекли внимание предприимчивых греков.

Уже Дельфийский оракул указал им устроить город против поселения «слепых», и это указывает какое значение придавали этой колонии умнейшие люди древней Эллады.

В самом деле, Византия должна была собирать пошлины с судов, проходивших из Эгейского моря в Черное, вела торговлю со всеми европейскими и азиатскими народами и играла важную роль в борьбе греков с Персией.

Она первая испытала и приняла на себя удары Азии, так как во время похода Дария на скифов была сразу покорена им. [3]

Но и сама Эллада была злой мачехой для всей этой цветущей колонии.

Находясь под владычеством персов, за участие в ионийском движении она лишилась самостоятельности, обитатели Византии были разогнаны, сама она обращена была в персидскую крепость, и только после битвы при Платее Павзаний, начальствовавший над афинским и спартанским флотом, освободил Византию от власти персов.

Но этим испытания Византии не кончились.

Во время Пелопонесской войны спартанцы и афиняне упорно боролись за обладание ею, и только победа Алкивиада [4] удержала ее в афинском союзе.

Однако, афиняне недаром боролись за Византию.

Овладев ею окончательно, они прежде всего постарались завладеть правами сбора пошлин, не делая в нем участниками византийцев. Этим они вызвали восстание настолько упорное, что Византия в конце концов добилась независимости [5], но, увы! – очень скоро ей пришлось выдержать новую борьбу и на этот раз с врагом более страшным. Филипп Македонский, прекрасно сознавая значение Византии, пытался овладеть ею, но она победоносно отразила все нападения [6] смелого завоевателя и, желая сохранить свою независимость, стала на сторону Рима в войнах его с славным завоевателем.

Рим того времени не остался неблагодарным. Конечно, он не замедлил покорить Византию под свою власть, после того как присоединил к своим владениям Грецию, но дал ей многие права и преимущества, которыми не владели другие римские колонии.

Так, например, Византия под римским господством сохранила свою автономию, с таким трудом отвоеванную у греков. Римские легионы не грабили ее владений, и так продолжалось до первых императоров, при которых она успела достигнуть высокой степени благосостояния.

Однако, в конце концов и Рим обратил внимание на Византию. Как могла под его владычеством существовать страна, соединенная с ним только ровно ничего не представлявшей по прочности связью, признававшей не вещественное, а призрачное владычество Рима!

Такое положение вещей было противно уже установившемуся взгляду Рима на покоренный им мир. Он не мог допустить этого, он должен был заставить Византию узнать, что такое орел на значках римских легионов, и, вот, римские императоры начали подыскивать предлог для окончательного покорения уже и без того подвластной им богатой страны.

Этот предлог нашел Веспасиан.

Он объявил, что Византия слишком «злоупотребляет» в ущерб Риму своей свободой.

---

[2] Золотой Рог.

[3] 515 г . до Р.Х.

[4] 408 г . до Р.Х.

[5] 357– 350 г . до Р.Х.

[6] 340 г . Р.Х.

Этого предлога было вполне достаточно для начала военных действий. Римский флот и легионы двинулись к стенам обреченного огню и мечу города, но византийцы встрепенулись, в них заговорила прежняя доблесть. Они решили бороться до последних сил, но что они могли сделать против несокрушимой еще в то время военной силы славного Рима!..

Византия жестоко пострадала…

Однако, ее богатство, ее могущество, еще не было сломлено окончательно. В конце II века по Рожд. Хр. Византия все еще обладала огромными средствами. Она на свой риск и страх продолжала борьбу с Римом, и, когда Септимий Север осадил ее [7], византийцы могли выставить против него огромный по тем временам флот в 500 триар.

Три года выдерживала Византия эту осаду и в конце концов пала…

Теперь ее благосостоянию нанесен был окончательный удар. Все ее укрепления были разрушены и даже срыты, политические права и привилегии были отняты, из цветущей колонии Византия превратилась в жалкий, бедный город с второстепенным значением в торговле и без всякого значения в политической жизни подвластных Риму городов.

А в III веке по Рожд. Христ. Византию ждали новые испытания: на нее со всех сторон обрушивались полчища варваров, разоряли ее, а помощи ждать ей было неоткуда…

Так шло время до тех пор, пока Константин Великий, после победы над Лицинием, не обратил внимания на Византию. Он сразу оценил все выгоды ее положения и поспешил основать здесь новый город, который должен был явиться для него второй столицей.

Так он и сделал. Город был основан, и уже сама судьба заставила Константина покинуть Рим и в 330 г . по Рожд. Христ., в мае месяце, перенести столицу римской империи в Византию…

[7] 196 г . по Р.Х.

V. Обломки языческого мира

Прежде чем продолжить наше повествование, мы считаем необходимым познакомить наших читателей с теми причинами и положением дел, которые создали Византию, разбив окончательно древний языческий мир, его культуру, его верования и создав, вместо прежнего стройного целого, нечто уродливое, такое же расшатанное, как и языческий Рим в свое последнее время, но опирающееся, однако, на такую великую почву, как христианство.

Для этого мы должны прежде всего кинуть взгляд на того, чьим повторением явилась великолепная Византия, превзойдя в своих пороках, однако, даже сам образец.

А этим образцом для Византии был сам великий Рим.

Это необходимо, потому что Византия явилась «Новым Римом» не только по одному своему названию, но и по духу, по порочности и презрению к правам человека, хотя в то же время, по неисповедимой судьбе Промысла, она смогла сохранить в себе в полной чистоте и неприкосновенности заветы первых христиан, которые потом и передала она такими же чистыми и нашей родине… Рим – первообраз Византии, при первых императорах достиг высшей точки своего развития. Он стал господином всего мира. Все страны и народы были покорны ему. Борьба за обладание миром кончилась, кончились все военные тревоги, наступило время воспользоваться плодами многовековых трудов отчаянной борьбы за существование.

«Pigritia est mater omnium vitiorim» – лень есть мать всех пороков – эта прописная мораль оставлена нам самими же римлянами, и на них она подтвердилась, как нельзя больше.

Лень же явилась последствием бездействия.

Простота сменилась роскошью, которую себе даже представить трудно. Вместе с роскошью в римском народе началось и растление нравов, и началось оно именно с роскошного дворца императоров, откуда распространилось в домах патрициев, вызвав, как противника себе, ужасающую нищету плебеев, то есть главной составной части римского народа.

Рим, великий Рим, приходил к концу… Он, развращенный, терял права на свое существование. Сама судьба, казалось, вела его к гибели, награждая его Неронами, Каллигулами, Клавдиями с их Поппеями, Мессалинами и так далее.

Это было заметно, но сами римляне ничего этого не видели, а те из них, которые и не были слепы, не смели говорить, потому что всякое слово, всякий протест против существовавшей разнузданности грозил опасностью для жизни, что и доказал пример первых христиан, выступивших с кротким пассивным протестом…

Самым замечательным временем Рима, с которого, собственно говоря, и начался упадок всемирной империи, должно считать то, которое предшествовало появлению христианства, и затем следовавшее за ним время после гонения на первых христиан при Нероне.

Старый Рим начинал уже клониться к упадку.

Царившая в нем сказочная роскошь растлевала нравы. Народ бездельничал. Пользуясь правами и преимуществами римских граждан, чернь не хотела труда. Но самым пагубным злом явились для Рима преторианцы.

Они до известной степени явились одной из самых явных причин падения всемирной империи.

История рисует нам римскую жизнь в таких непривлекательных красках, что даже теперь, по истечении слишком 16 – 17 веков, стыдно становится за человечество, имевшее своим особенно ярким представителем Рим и его обитателей.

Но, несмотря на внутреннее безобразие, Рим еще три с половиной века был крепок своими традициями. Народы в нем видели не только всепобеждающего властелина, но и важный рынок для сбыта своих продуктов и изделий.

Это до известной степени поддерживало Рим на прежней высоте.

Но чего стоила эта высота!

Рим самого себя принес в жертву миру, потому что и в самом деле, падая все ниже и ниже, он нес свою службу человечеству, если не мечом, то самим собой…

Он утопал в своих собственных пороках, но это противно натуре людей, и стоило только христианству показать новые идеалы жизни, как именно в этом-то самом развратном, порочном и павшем в пропасть Риме они и нашли себе наибольшее число приверженцев и последователей, ярким примером доказавших, что добродетель сильнее порока, а добро – зла…

Римляне сначала считали христианство одной из восточных сект и смотрели на него, как на религию рабов. Но вскоре эта религия, развившаяся быстро за пределами Рима, обратила на себя внимание, и семейство римлянина Праскилла первое отрешилось от древних традиций римского патрициата и высказалось явно за христианское учение, в духе которого матери стали воспитывать своих детей.

Быстрое распространение христианства и его отчуждение от римских городских богов, а также церемоний в честь императоров обратили внимание правительства, и римское языческое общество, заметив развивающийся прозелитизм в своих семьях, обнаружило нерасположение к христианам, к которым особенно стали благоволить римлянки. Многие из них стали оставлять семьи для участия в ночных богослужениях в катакомбах, и поселился в семьях раздор, а последствием его была ненависть к христианам. Да и к тому же христиане, распространяя свою религию, не только убеждали прозелитов в ее превосходстве перед другими религиями, но и открыто нападали на язычество. Такое их воззрение выработало религиозный энтузиазм, составлявший силу христианской церкви, и в то же самое время это возбудило оскорбление национального чувства римлян, и они вступились за свою религию, несмотря на то, что она уже давно утратила свое достоинство в их глазах. Таким образом, враждебное отношение к ней христиан и название новой религии «истинною» вызвало нерасположение всего римского общества, а затем и правительства, которое не замедлило изменить своей обычной политике и вмешаться в дело религии. Поводом к вмешательству правительства в религиозное дело, во-первых, было то, что император, как представитель высшей религиозной власти, обязан был вступиться за свою религию, на которую открыто нападали христиане. Во-вторых, нарушение христианами религиозных, освященных веками, обрядностей признавалось опасным для государства, потому что оно могло раздражить «богов», и, так как христиане отклоняли всякое свое участие в языческих обрядах, то это было язычниками признано за безбожие, и правительство стало недоверчиво относиться к людям, которые отказывались от участия в обычных церемониях, сопровождаемых иллюминациями, украшением статуй и, вообще, от участия во всех государственных праздниках. К тому же христиане, начиная со второго века, образовали многочисленное и прочно организованное общество, которое в глазах римских властей было обществом тайным, а потому опасным для могущества империи. До императоров и сената то и дело доходили самые дикие обвинения христиан, не замедлившие распространиться и в народе. Так, например, цезарь и патриции слышали, что христиане, собираясь тайно на сходки, употребляли в пищу человеческое мясо и кровь, но разве они могли постигнуть, что такое обвинение основано на темных слухах, что христиане за общими своими трапезами вкушали кровь и плоть Христа, под видом хлеба и вина. Считая же их безбожниками, за которых наказывали Рим боги засухой, неурожаями, землетрясениями и другими несчастьями, цезари и начали преследование христиан, убедив народ, что они вступаются за попранных божеств его…

Преследование началось с Нерона, который сжег Рим, приписывая пожар гневу богов и обвиняя в нем христиан. Но все-таки до времен Трояна не было особого закона против христиан, и им приходилось испытывать беды только от разнузданной народной массы.

Наконец, при Деции открылось систематическое гонение за отказ христиан поклоняться статуям богов и не в одном Риме, а во всей империи. Два года продолжалось это гонение, в течение которых христиан подвергали ужасным пыткам, их мучили до смерти, и самой легкой из смертей было обезглавливание. Храмы христианские жгли и разрушали, но это только увеличило число мучеников церкви, и император был не в силах истребить христианство, которое настолько глубоко пустило свои корни в языческую почву в продолжение двух сот лет, что вся свирепость гонителей, несмотря ни на какие усилия, не могла их искоренить.

Но, вот, настало время царствования Диоклетиана, которому жрецы объявили, что присутствие христиан лишает внутренности животных, приносимых в жертву богам, силы прорицания, что подтвердил и оракул Милета, указавший на истребление христиан, как противников богов, и их религии, как на средство возвратить в Рим их милость.

Диоклетиан послушал голоса враждебного христианству и приказал повсеместно в империи разрушать христианские храмы, жечь священные книги, сажать в тюрьмы священников и пытками заставлять всех без исключения христиан приносить жертвы богам, а ослушников императорского повеления наказывать смертью.

Эта угроза императора все-таки не устрашила христиан.

Их мучили, сжигали заживо, привязывали к раскаленным металлическим сиденьям, рубили, травили дикими зверями, лишали зрения, вырывали зубы, сажали в ямы с негашеной известью, рвали кусками их тело еще при жизни.

Не будучи в силах достичь желаемого результата такими мерами, христиан даже склоняли к выборке свидетельств об отступлении от христианства, то есть, предлагали им спасение жизни путем лицемерного обмана.

Но все оставалось втуне.

Ничего не остановило роста христианства, а, напротив, только закаляло его последователей в чувствах и убеждениях, подготавливая окончательное падение язычества и торжество истинной религии…

Это происходило за двадцать лет до вступления на престол императора Константина, впоследствии названного Великим, так как именно со времени его царствования христианская религия сделалась господствующей в Римской империи…

Диоклетиан, утомленный в борьбе с христианством и введением новых реформ в империи, в 305 году Рождества Христова сложил с себя титул императора и, удалившись от престола на родину, стал заниматься садоводством, предоставив управление империей своим цезарям Лицинию и Констанцию Хлору, между которыми вскоре возникли раздоры, выдвинувшие на театр исторических событий Константина, сына Констанция Хлора.

Междоусобная война соправителей окончилась решительным поражением легионов Лициния легионами Константина, наследовавшего титул цезаря после смерти своего отца и провозглашенного легионерами императором.

Легионы Константина, доставившие ему императорский титул, состояли из христиан, которые, помня хорошее отношение к ним его отца и благочестивой матери Елены, ставшей уже христианкою, были преданы своему императору, несмотря даже, на то, что он был язычником. Кроме этого, они воодушевлены были данными им Константином знаменами с изображением креста, вместо римского орла.

Такая замена символом христианского спасения греческого орла произошла по следующему случаю.

Константин перед сражением со своим соперником Максенцием увидел во сне сияющие на небе крест с надписью, которую можно перевести по-русски словами: «сим знамением победишь». Под впечатлением этого сна он тотчас же приказал обложить золотом копье с крестообразной перекладиной и привесить к ней пурпурную ткань с изображением на ней своего портрета с сыновьями и это знамя, увенчанное крестом, вручил своим легионам, а вместе с ним и щиты, также с изображением креста. Легионы, считая себя под покровительством креста, с религиозным воодушевлением бросились на неприятеля и, разбив его, доставили Константину единодержавие в империи.

Константин, получивший в истории титул Великого, при самом вступлении на престол прекратил преследование христиан и дал полную свободу развитию их религии, но в то же время он не стеснял и язычество. Христианская религия, благодаря этому, быстро стала распространяться во всех слоях империи, а над могилами мучеников стали строиться христианские храмы, и богослужение, совершаемое до того времени в криптах катакомб подземного Рима, перешло в открытые храмы и совершалось совершенно открыто.

Но это предпочтение «религии рабов» перед древнеримской породило неудовольствие при дворе императора, а новый его строй и изменение государственной жизни, вместе с разделением империи на префектуры, оказались очень не по сердцу высшим сословиям. Образовались партии недовольных к большому прискорбию императора. И он сам, не чувствуя безопасно в Риме, задумал расстаться с ним и основать новую столицу.

Долго Константин отыскивал место для основания новой столицы, и, наконец, внимание его остановилось на дорийской колонии Византии, подчиненной Риму при обращении Греции, Македонии и Фракии в римской провинции и разрушенной как было упомянуто выше, в конце второго века римлянами, за попытку к освобождению.

Константин, облюбовав Византию и объявив, что здесь будет новая столица Великой империи, согласно древне-римскому обычаю, сам провел плугом ее границы, и, вот, на рубеже Европы и Азии возникла столица Восточной империи в 330 году и была названа ее основателем «Новым Римом», а народом – Константинополем.

Новая столица, благодаря прекрасному климату, выгодному своему местоположению и дарованным привилегиям, вскоре затмила своим великолепием гордый старый Рим и вскоре стала столицей не только могущественнейшего государства, но и колыбелью православия и затем центром восточной империи…

Мы остановились так долго на характеристике Рима именно с той целью, чтобы показать нашим читателям, как возрос Новый Рим – Константинополь, явившийся в нравственном отношении осколком старого.

А теперь, покончив с этим старым, мы перейдем к новому.

VI. Новый Рим

Константин Великий, восстановив в достойном новой столицы блеске Византию, все еще оставался в Риме.

Важный шаг – признание христианства государственной религией, был уже совершен им, но сам Константин все еще не проникся великими истинами нового учения и в душе, если он и не оставался язычником, то сохранил все-таки все, что было отличительной чертой римлян в период упадка.

Он был коварен, жесток, свиреп. Кровопролитие не останавливало его. Он легко отдавался первому порыву и под влиянием его совершал преступления, которые были немыслимы, если бы он проникся истинами христианства до глубины души.

К таким преступлениям должно быть отнесено убийство Константином своего сына – юноши Криспа.

Этот юноша был рожден императором от первой его жены Минервины и, как первенец, являлся наследником престола. Крисп, воспитанный под наблюдением философа Лактанция, оказался чрезвычайно способным полководцем, а по личным качествам – человеком чрезвычайно симпатичным. Признанный в 17 лет цезарем, он управлял Галлией, освободил ее от германцев, отразил в междоусобной борьбе своего отца с Лицинием неприятельский флот и всем этим успел приобрести себе уважение войск, любовь народа и почесть при дворе.

Но, кроме этого, на свое несчастие он возбудил тем же самым в своем отце завистливое чувство к себе.

Это чувство обратилось в ненависть, и, когда мачеха Криспа, Фауста, оговорила юношу перед своим супругом и его отцом в попытке соблазнить ее, Константин, не слушая никаких оправданий своего первенца, приказал его казнить.

Однако, народ, солдаты, придворные все были за Криспа, все требовали его оправдания, и испуганный Константин не посмел противиться народной воле. Он сделал вид, что милует сына, и ограничился только ссылкой его в Истрию, где вскоре несчастный юноша был по приказанию отца убит…

Но в этой смерти сказалась воля судьбы.

Весть об убийстве Криспа вызвала в Риме такое негодование – тем более, что Фауста была изобличена в это время во лжи матерью императора – Еленой, – что пребывание Константина в вечном городе стало не безопасным. Народ прямо оскорблял его на улицах, и, скрепя сердце, Константин покинул Рим, объявив, что он переносит столицу империи в Византию.

С этих именно пор началось не прекращавшееся уже вплоть до разорения Византии сперва крестоносцами, а потом турками, великолепие этого города, затмившего собою Рим.

В течение девяти столетий копились здесь лучшие произведения искусства, особенно ваяния. В Византию было перенесено из Рима древнейшее изваяние волчицы, своей тенью показывавшей часы. Тут была колоссальная статуя Юноны, конная статуя Беллерофонта, громадная статуя Геркулеса, захваченная римлянами в Таренте, необыкновенная по своей красоте статуя Августы-Елены, святой матери основателя Византии императора Константина. Каждый из императоров стремился украшать свою столицу статуями и бюстами, и своими, и своих предшественников, и выдающихся людей своего царствования.

Самый город, который таким образом являлся сокровищницей богатства всего мира, вполне соответствовал своему назначению. Еще только наметив здесь место новой столицы, Константин Великий сам копьем начертил на земле направление ее стен, и эти стены, как свидетельствуют историки, были в семь раз больше стен прежней Византии. Заботясь о

блеске новой столицы, первый христианский император построил множество богатых зданий, собрал массу памятников и драгоценностей из всех мест своей империи. Главная городская площадь, как и в Риме, носила название форума. Она была великолепно разукрашена портиками, триумфальными арками, из которых есть сохранившиеся и до нашего времени [8]. Ипподром [9], для излюбленных в то время сперва римлянами, а потом и византийцами, конских состязаний, был возобновлен и окружен роскошнейшими по своей архитектуре и убранству зданиями, украшен древними статуями, свезенными на него отовсюду. Наконец, устроен был колоссальный водоем, известный под названием «тысяча и одной колонны». Выстроено было множество церквей, отличавшихся сказочным, доступным только восточной фантазии великолепием.

Возводя новую столицу, Константин Великий назвал ее Новым Римом, но современники и потомство, признавая обновленный новый город созданием исключительно этого императора, назвали его городом Константина – Константинополем,а название «Новый Рим» сохранилось в надписи на одной из колонн ипподрома. Но, вместе с тем, за новой столицей осталось и прежнее название – Византия.

Чтобы привлечь в Византию возможно более населения Константин давал жителям массу льгот и преимуществ, причем члены городского совета возводились даже в сенаторское достоинство. Следовавшие за Константином императоры действовали в том же направлении.

Византия, т.е., Константинополь, несмотря на разрушавшие его несколько раз землетрясения, опустошительные пожары, набеги варваров, быстро разросся. Он состоял из 14 округов, из которых 12 лежало внутри городской стены. За нею расположен был также лагерь семитысячного отряда Готов – телохранителей царствовавшего императора, который собственно и составлял 13 округов [10]. В 14-ом тоже загородном округе находился Влахернский дворец.

Стена Константина в 411 году была разрушена землетрясением и вновь восстановлена Феодосием II, ввиду ожидавшегося нападения гуннов. Эта стена через 14 лет тоже была разрушена землетрясением и только в 477 г . выстроена почти сохранившаяся и поныне двойная Феодосиева стена [11]. Это являлось настоятельной необходимостью, потому что Константинополь и его богатства отовсюду, как магнит, привлекали к себе варваров [12].

Но особенно замечателен был большой императорский дворец, выстроенный Константином Велиеим между ипподромом и роскошными садами уступами, спускавшимися к самому Босфору. Особенного великолепия он достиг при Феодосии, выстроившем в садах дворца пять различных церквей.

Дворец этот поражал даже варваров красотою своей архитектуры. Колонны из фригийского мрамора поддерживали полукруглые портики, везде было золото, серебро, мрамор, порфир, живопись, мозаика, пурпур. В садах, кроме естественных деревьев, было установлено отлитое из бронзы дерево, с искусственными птицами, заводившимися во всякое время и, таким образом, певшими по первому приказу императора. У входа во дворец поставлены были прекрасно вылитые из золота львы, которые ворочали головами и издавали рычанье. В разных местах дворцового парка были фонтаны, бассейны которых по краям были выложены серебряными плитами.

---

[8] «Горелая колонна».

[9] Ныне Ат-Майдан.

[10] Ныне Галата.

[11] Эта стена тянулась на север до Золотого Рога и на юг до Мраморного моря на протяжении 6800 метров и извилистой дугой огибала город с северо-запада и запада. Остатки ее видны и поныне.

[12] За время своего существования Константинополь выдержал 29 осад и восемь раз был в руках врагов.

Как и в древнем Риме, самой роскошной частью дворца был триклиний.

Что такое был вообще Константинополь, лучше всего видно из описания путешественника того времени Вениамина Тудельского, который говорит:

"Здесь,в этой царице городов, собраны богатства всей греческой (византийской) империи. Башни Константинополя полны доверху запасами золота, шелка, пурпура. Ежедневно уплачивает этот город своему правительству 20,000 золотых монет [13], собранных с лавок, харчевен, рынков, где торгуют купцы их Египта, с Руси, от Венгров, из Рима, Испании, Африки и всего мира".

Это свидетельство очевидца относительно доходов, указывает, что Константинополю было из чего украшаться и год от году становиться все более и более великолепным.

Ясно, что это великолепие поглощало массу средств. Но куда же было их девать, как не на украшение столицы? Государственные доходы превышали расходы, а все правители как Рима сперва, так и Византии потом, никогда не давали себе труда заботиться ни о народном благосостоянии, ни о скреплении государства в его границах. Они стремились только создавать сии престолы да, добившись власти, жить в свое удовольствие, не думая ни о чем другом.

Провинции страдали. За их счет шло украшение столиц, на их столицы защищались от врагов, а провинции первые выдерживали нападения варваров.

Мы уже видели, как украсился за счет целой империи один только Константинополь.

В нем одно здание нового Капитолия стоило сумасшедших денег. Кроме Капитолия, было два театра, восемь публичных бань, пятьдесят два портика, четыре громадных зала для заседаний сената, четырнадцать церквей, четырнадцать дворцов и четыре тысячи частных домов, принадлежавших исключительно местным богачам…

Бедность ютилась, где попало…

[13] Вероятно, «византин», или, иначе, солидов, равных приблизительно 2 р. 50 к.

VII. Святая София

Ранее мы говорили о великолепии византийских зданий…

Рим в свое время тоже замечателен был своими постройками. Римские театры и, вообще, публичные постройки поражали своей грандиозностью. Об этим и теперь нам говорят развалины Колизея, воздвигнутого при Веспасиане евреями-рабами, которых привел из Иерусалима после его разрушения Тит.

Не меньшей славой пользовался и пользуется сохранившийся до сих пор мавзолей Адриана. Затем обращали на себя внимание водопроводы, публичные бани, триумфальные арки и, наконец, храмы богов.

Христианская Византия также много посвятила труда украшению храма Единого Бога. Церкви Константинополя поражали своей величественной архитектурой и великолепием своей отделки внутри.

Но со времени Юстиниана гордостью Константинополя, или Византии, стал построенный этим императором храм святой Софии, в память усмирения бунта,в который этот государь едва не лишился престола.

Задумав соорудить храм, Юстиниан обратился к знаменитейшим зодчим своего времени – Анфимию из Траллеса и Исидору из Милета.

Он желал, чтобы воздвигаемый памятник стал для него великим памятником, и потому не щадил для постройки никаких издержек. Под руководством Анфимия и Исидора на постройках ежедневно заняты были до 10,000 человек каменщиков, плотников и других работников.

По мысли Юстиниана, храм святой Софии должен был превзойти все когда-либо существовавшие храмы своей величиной и роскошью. Золото, серебро, слоновая кость, дорогие породы камней были употребляемы для постройки и украшения в несметном количестве. Со всех концов империи свозились колонны и глыбы редких мраморов, шедшие на убранство храма. Результатом этого было то, что невиданное и неслыханное великолепие поразило даже народную фантазию, и в Византии сложились легенды, что в постройке зодчим помогали сами небесные силы.

На том месте, где задумал Юстиниан постройку, был уже храм, построенный Константином, во имя божественной мудрости – святой Софии. Тот же храм, над которым так оскорбительно для христиан место святого Креста уже четыре столетия занимает магометанская луна, построен на том же месте, как и первый, но гораздо позже. Первый был мал для многочисленного христианского народонаселения, и Констанций, сын Константина, увеличил его. В 404 г ., в царствование Аркадия, он был сожжен во время смятения. Император Феодосий вновь отстроил собор. Впоследствии еще раз он сгорел,и только император Юстиниан выстроил новый каменный храм св. Софии в несравненно больших размерах и с большим великолепием. Этот-то храм и сохранился до наших времен. Чтобы выполнить свой замысел, император приказал всем губернаторам отыскивать мраморы, колонны и скульптурные украшения для нового храма. Последний пожар, уничтоживший остатки прежнего храма, был в январе 532 года, а 23-го февраля того же года был заложен первый камень нового. Новый храм строился около семи лет, и в декабре 538 года праздновали его окончание, но семнадцать лет спустя восточная часть главного купола обрушилась от землетрясения и пала на драгоценный алтарь и амвон. Это несчастие нисколько не уменьшило рвения Юстиниана: он возобновил церковь с большею прочностью и великолепием, и 24-го декабря 568 года, перед днем Рождества Христова, праздновали ее освещение. Под руководством двух главных архитекторов – Анфимия Траллесского и Исидора Милетского, ста других архитекторов управляли работами, и каждый из них имел под своим начальством по сто камен-

щиков. Пять тысяч работников трудились на правой стороне храма и столько же на левой. По византийским преданиям, Ангел начертал план этой церкви императору во время сна. Император ободрял работников деньгами и своим присутствием и, вместо того, чтобы по восточному обычаю отдыхать после обеда, он обвязав голову платком и с палкою в руке, ходил осматривать работы в самой простой полотняной одежде. Все сословия внесли денежную дань на построение его. Мрамор всех цветов – белый, розовый, зеленый и голубой, гранит Египта и порфиры, а также драгоценные колонны, извлеченные из разных древних языческих храмов: восемь порфировых колонн нижнего этажа знаменитого храма Солнца в Бальбеке, другие восемь из храма Дианы в Эфесе – украшали его. Замечательно, что материалы, вошедшие в состав здания, взяты из храмов, принадлежащих почти всем религиям языческим, так что оно опиралось на колонны храмов Изиды и Озириса, Солнца и Луны (в Гелиополисе), Минервы Афинской и Аполона Делосского. Вообще, во всем здании преобладает форма святилища храма Соломонова. Чтобы легче понять устройство собора св. Софии, надо вообразить пространный четырехугольник, к которому с четырех его сторон примыкают четыре меньших квадрата и тем образом внутри главные части здания и форму креста. По углам среднего большого квадрата выстроены четыре массивных столба (пильеры) вершины которых соединены между собою полукруглыми арками, и поверх всей этой аркады возвышается огромный купол, имеющий 35 метров в диаметре. Купол, по видимому, упирается на арки только четырьмя точками, а остальная часть его поддерживается пандативами (треугольники в пересечении арок), которые начинаются на острых углах пильеров и идут вверх, так незаметно округляясь, что кажутся простыми легкими жилками, а точки опоры этого гигантского свода ускользают от глаз наблюдателя, и купол кажется висящим в воздухе. Верхняя точка свода возвышалась на 61 метр над полом церкви; длина церкви внутри стен 81 метр , а ширина 60 метров. К восточной и западной части здания состоит из девяти куполов, возвышающихся один над другим. Остальная часть была покрыта мраморными плитами, а сами купола – свинцовыми листами. Полукупола и ниши поддерживаются как четырьмя главными пильерами, так еще другими четырьмя меньшими, и под каждой нишей – по две порфировые колонны с капителями и базисами из белого мрамора. С севера и юга главного квадрата, под арками, между каждыми двумя большими пильерами, помещаются по четыре колонны из прекраснейшего гранита, поддерживающие хоры или галереи для женщин, которые у древних христиан стояли во время богослужения отдельно. На 24-х других колоннах из египетского гранита примыкают к хорам боковые галереи, освещенные окнами в три яруса: в нижнем и среднем по семи окон, а в верхнем пять. Главный купол освещен 4-мя окнами. Над 40 колоннами нижнего этажа расположены в верхних галереях 60 других и выше входных дверей еще семь, так что всего 107 колонн. Этому числу на Востоке приписывали таинственное значение. Все колонны верхнего этажа мраморные или гранитные, превосходно полированные и гладкие, но карнизы и архивольты поверх этих колонн совершенно фантастические. Они украшены бесчисленным множеством листьев и полосок в виде галунов, перемешанных и переплетенных между собою. Главный купол, для соединения полного развития его размеров с легкостью стиля, сложен из глиняных горшков, которые до сих пор удивляют своею крепостью; они сделаны из легкой глины, найденной на острове Родосе, и так легки, что вес 12-ти горшков равен весу одного обыкновенного кирпича. Стены сложены из кирпича и все покрыты мраморными плитами, а пильеры – из больших известковых камней, сцепленных между собою железными связями, и гладко оштукатурены известковым раствором на масле под мрамор различных цветов.

Карниз над основанием купола сделан из белого мрамора: простота господствует в его профиле. Везде на стенах блистали прежде изображения Богоматери, апостолов, евангелистов и греческих крестов, с надписью: «Сим знамением победиши!» В купол сделано изображение Отца Предвечного и четырех херувимов. Все это было исполнено из мозаики и

цветного стекла, смешанного с серебром и золотом. В четырех пандативах помещены мозаичные изображения херувимов в колоссальном размере. Перед входом в храм был атриум, четырехугольный открытый двор, обнесенный портиком и вымощенный плитами, посреди которого был сделан бассейн. Одна только передняя галерея партекса, или паперти, была без украшений. В следующей внутренней галерее, у входных дверей, был представлен мозаичной работы архангел Михаил с огромным поднятым мечем. Все живописные изображения были нарисованы красками по золотому полю. В восточной полукруглой части был помещен престол, патриаршее место и другие места для соборного сидения. Эта часть была отделена невысоким иконостасом из кедрового дерева, украшенным 12-ю серебряными колоннами, на котором помещены образа Спасителя, Божией Матери, апостолов и другие. Главные богатства были заключены в алтаре: золото, серебро и драгоценные камни блистали там на каждом шагу и особенно в украшении престола. Император желал, чтобы он был сделан из вещества, которое было бы драгоценнее золота, а потому верхнюю доску его сплавили из золота и серебра с мелкими драгоценными камнями и алмазами. Неудивительно, чтоб, по преданию, император при виде своего творения, взойдя в него, с восторгом сказал: «Хвала Господу, удостоившему меня кончить этот храм! О, Соломон! я превзошел тебя!» У нас в России храм этот служил образцом для знаменитой древней церкви, построенной в Киеве, также во имя святой Софии, Ярославом, и для Софийского собора в Новгороде. Константинопольский храм, почитавшийся чудом средних веков, в настоящее время лишен почти всех своих украшений: огромные ковры скрывают его прекрасный мраморный пол. Все мозаичные изображения на стенах каждые два года безжалостно закрашиваются, и самые части мозаики разобраны и проданы иностранцам. Вся живопись, знаменитый образец нашей церковной, характер которой в XI и XII веках проник не только в Россию, но и в Италию, и Францию, также забелена. В боковых нишах, около бывшего алтаря, помещены две вазы для омовения поклонников лжепророка. На месте изображения Предвечного Бога, в главном куполе, написаны стихи из корана. Высокие минареты, пристроенные к церкви турецкими султанами, придали смешанный, неопределенный характер зданию. Кроме того, наружность обезображена тяжелыми контрфорсами; христианский крест на вершине главного купола заменен, по приказанию султана Амурата III, луной. Замечательно, что многие мозаичные изображения, несмотря на старания турок, скоро освобождаются из-под окраски и остаются незабеленными. Так, например, сохранился образ святой Богородицы в в алтаре.

Такова святая София в Константинополе в прежнем своем виде.

VIII. Здание на песке.

Вот каков был Новый Рим по своему великолепию.

В этом, в своей внешности, он превзошел даже древний Рим и стал, действительно, столицею мира, но во внутренней, так сказать, духовной своей стороне он мало чем уступал своему первообразу.

Мы уже видели, чем был Рим при начале своего падения, но это был Рим языческий, боровшийся всеми своими нравственными силами с новым мировоззрением и павший в этой борьбе. Константинополь, заняв место Рима, перенес к себе на новое место и все характерные его особенности.

Это был тот же Рим, но – увы! – христианский…

Впрочем, и в отношении порочности Новый Рим несомненно превзошел старый…

Население города, собравшееся с разных сторон мира, разнородное, разнохарактерное, не связанное племенными узами или общими интересами, соединяло в себе все пороки европейского, еще не успевшего вполне освободиться от языческих веяний, человечества с дурными качествами азиатского мира. В нем тесно было переплетено друг с другом стремление к роскоши с кровожадностью, чувственность с ложным благочестием, спесь с низкопоклонством. Страсть к зрелищам, волнующим кровь, разжигающим фантазию, вызывающим постоянные возбуждения, переходила с арены и ипподрома в жизнь и народа, и высших слоев общества, и в политику, и даже в то, что, казалось бы, должно было быть для всех неприкосновенным – в религию. Сразу породилось множество сект, главари которых искажали серьезность христианского вероучения и увлекали за собой не установившихся еще в правилах веры людей, что также не оставалось без пагубного влияния на строй общественной жизни. Шли бесконечные и в то же время совершенно бесполезные, ничего не выявившие религиозные споры, сами императоры принимали в них иногда чересчур горячее участие, так как они считали себя главами не только государства, но, по примеру Константина Великого, и церкви.

Другого рода смуты вызывались то честолюбивыми полководцами, добивавшимися для себя – и очень часто не без удачи – императорской короны, (в Византии так же, как и в Риме не было установлено прочного порядка престолонаследия), то различными временщиками, куртизанками, фаворитами и фаворитками, то, наконец, самими императрицами, дарившими в огромном большинстве не своим супругам, первым, кто им успел понравиться, свою любовь, а, вместе с тем, и императорскую корону.

Бывали случаи, что, по милости императриц, на византийский престол вступали простые дворцовые слуги. Так, известен факт, что предшественник Юстина – простого солдата, был дворцовый служитель Анастасий, понравившийся императрице Арианне тем, что у него один глаз был голубой, а другой черный. Чтобы сделать его своим мужем и императором, Арианна воспользовалась обмороком своего императора Зенона, своего законного мужа, отравившего, чтобы сделаться императором, своего сына. Она объявила Зенона умершим и приказала немедленно похоронить его. Несчастный был зарыт в могилу живым. Императорские гвардейцы слышали из могилы надрывающие душу крики, но не решились подать помощь заживо погребенному, и он задохся под землей. Жена императора Юстина, о котором сказано выше, Лупицина Евфимия была рабой, а жена племянника Юстина Циранда, вошедшего на византийский престол под именем Юстиниана, Феодора, была дочерью циркового дрессировщика медведей, затем сама цирковой актрисой, окруженной неревнивыми поклонниками, и в след за этим византиской императрицей, разделявшей с мужем власть над жизнью и смертью своих подданных.

Впрочем, как Юстин, так и Юстиниан, славяне по происхождению, были одними из лучших императоров Византии. Лупицина Евфимия была простая, но добрая женщина, а Феодора сумела держать себя в качестве императрицы с редким тактом, чего нельзя сказать о ней, как о женщине и супруге.

Вообще, история рисует нам византийские нравы в самых неприглядных красках. Это – целый ряд кровавых казней, измен, насильственных захватов власти, отрав, пыток, страшной мести и так далее. Женщины, даже императрицы совершенно равнодушно переходили от одного мужчины к другому. Дети составляли заговоры против родителей, родители против детей, дворцовые евнухи захватывали власть в свои руки, полководцы уважались не за храбрость, не за способности, а за искусство интриговать. Сегодняшний император завтра мог пасть под ударами наемных убийц, а сегодняшний приговоренный им к смертной казни в это же завтра сам начинал царствовать. И среди этого – бесконечные богословские споры, торжественные процессии и так далее.

Понятно, что при таком порядке вещей императоры должны были волей-неволей заискивать у черни и потакать для этого самым грубым ее инстинктам. Еще с Константина Великого, по примеру римских императоров, и в Константинополе черни раздавался хлеб, вино, оливковое масло и деньги. В таком положении большинству не зачем было что-нибудь делать – чернь могла жить без занятий, так как дневное пропитание у нее было обеспечено. Раз это было так, сытый народ не знал, куда девать свободное время, и так же, как в Риме требовал зрелищ. Императоры не решались отказывать ему в этом, тем более, что императорская гвардия Константинополя была тем же, чем преторианцы последнего времени Рима. Она сама выбирала себе вождей и ставила их на престол, не спрашиваясь даже воли народа. Император, вступая таким образом во власть, не знал, на кого ему опираться – на народ или на гвардию. Угодить же тому и другому удавалось редко. Если император не угождал гвардии, она свергала его, если он не угождал народу – начинались мятежи. Эти мятежи были злом для Византии. Они сопровождались страшными и чаще всего беспричинными кровопролитиями, грабежами, пожарами. Победа той или другой партии ипподрома очень часто влекла за собой народный мятеж. Одно из таких возмущений было при Юстиниане. Причина его была пустяшная. Борьба голубых и зеленых во времена ристалищ вызвала спор. Спор перешел в город, праздный народ поднял оружие и осадить императорский дворец. Знаменитый полководец Велизарий, собрав горсть оставшихся верными солдат, кинулся на бунтовщиков, произвел в их рядах смущение, заставил отступить в цирк. В один миг ворота были заперты, и 30,000 человек очутились в ловушке…

Немногие вышли из нее…

Таково было положение народа и императоров в Константинополе, где сосредоточена была вся жизнь восточной римской империи. Ясно из всего сказанного, что, только что возникнув при Константине, разделившись с Римом при Галерии, она тотчас же начала клониться к упадку, как клонится и всегда близко к падению всякое здание, построенное на песке.

Византия, как вся страна, как все государство, как вся восточная империя и олицетворявший ее Константинополь, была именно таким зданием…

IX. Под пышной декорацией

Несмотря на свое великолепие, Византия представляется воображению, как организм, снедаемый страшными недугами.

Это были недуги нравственные. Лихоимство, низкопоклонство, интриганство, неправосудие, пьянство – все это существовало в византийской империи.

В одной обличительной проповеди сохранилась такая характеристика Царьграда.

«Наш град – блудница, вертеп разбойников, жилище убийц, наша столица – град плачущих и стонущих. Почему же это? Потому что справедливость покинула ее, и она возненавидела правосудие. Потому что в него ушли ростовщики и льстецы. Потому что в нем царят лож, интрига, высокомерие, насилие. Наш город – источник зла для всей страны, из него повсюду распространяется зараза. Правящие нами творят беззакония, торгуют правосудием, любят дары, за все требуют воздаяния. Сборщики податей отнимают у нас последние крохи. Исчезли стыд и целомудрие их заменили страсть к наживе и всякие вожделения. Господствуют наглость, суетные заботы, как бы приумножить свое имущество, как бы поесть и попить. Женщины зарятся на мужчин, мужчины – на женщин».

Пьянство не представляло, по всей вероятности, очень распространенного порока. В южных странах, в Италии и Греции, где растет виноград и народ имеет возможность пить вино ежедневно, почти никогда не видишь пьяных на улицах. По всей вероятности, так было и в Византии, где по большей части пили вино с водой.

Но пьяницы все-таки встречались.

В одном византийском памфлете говорится: «Не входи в мои виноградники, Иаков, не срезай у меня лозы, не выжимай у меня винограда, ибо ты, как сухая губка, вбираешь в себя вино всеми частями. Ты пьешь целую ночь и, хвастаясь, говоришь: я не примешал к вину воды, как делают трактирщики, ни горячей, ни холодной; я пью его не смешанным».

В другом памфлете об осмеиваемом лице сказано, что он изучил все столичные трактиры и, поднеся кубок ко рту, пьет, не переводя дыхания, как животное.

Трактиры были в Константинополе, но посещать их считалось неприличным для людей порядочного общества, и самое ремесло трактирщика считалось позорным. Молодежь кутила, но задавала пиры у себя дома. Об одном важном сановнике, любившем пожуировать, историк Никита Хониат рассказывает: «Не имея себе соперников в обжорстве и превосходя всех в питье вина, он умел подпевать под лиру, играл на арфе и плясал кордакс (комическую пляску с непристойными телодвижениями), быстро перебирая ногами Жадно наливаясь вином и часто насасываясь им,как губка, он не потоплял, однако-же, своего ума в вине, не шатался, как пьяные, не склонял головы на сторону,как бывает от хмеля, но говорил умно и становился еще одушевленнее в разговоре. Он любил устраивать пиршества и этим приобрел любовь всех лиц,жаловавших веселый разгул. Приезжая к подобным господам, он пил так много, что им долго приходилось отрезвляться и освежать голову. Другие же пили с ним наравне. Это были, которые вливали в свое брюхо по целым бочкам, пили из кувшинов, вместо стаканов. Этот сановник мог не только пить, но и есть необыкновенно много. Особенно любил он зеленые бобы, и, вот, когда он однажды был на войне и стоял лагерем на берегу реки, завидел он на другом берегу полосу бобов. Тотчас же раздевшись до нага и переплыв на другую сторону, он поел большую часть их, но и тем не удовлетворился. Связав остатки в пучки и положив на спину, он перетащил их через реку и, расположившись на полу в палатке, с наслаждением поедал бобы, как-будто долгое время ничего не ел».

Нечего и говорить, что жестокость также была в тогдашних нравах. Делались такие зверства, от которых волосы становятся дыбом. Пытки и членовредительные наказания указывают на большую жестокость, но это, по крайней мере, делалось по суду. На суде можно

было оправдаться, можно было надеяться, что судьи будут действовать по закону и справедливости. Гораздо хуже был административный произвол. Лиц, заподозренных в заговоре, обыкновенно не судили, а «убирали». Этим пользовались, когда кто-нибудь казался неудобным. Временщики, как уже сказано выше, играли большую роль в Византии. Они пользовались неограниченным доверием царя и распоряжались его именем совершенно самовластно. Против таких лиц не было управы: они отравляли, конфисковали имущество, ссылали; нельзя было жаловаться на них в суд. Впрочем, если хотели стоять на почве закона, то подбирали подходящих судей, взводили на совершенно невиновных какое угодно обвинение и, считая его доказанным, действовали уже на основании такой то статьи свода законов. Вот примеры жестокости нравов, господствовавших в Византии.

Один император придумал для своего дяди, имевшего титул деспота, особого рода место заключения. Была крепость, выстроенная на скале; жители ее выламывали камень из этой скалы и таким образом, образовывались глубокие ямы, куда стекала дождевая вода. Вычерпав воду из одной такой ямы, туда спустили по лестнице «деспота» и одного мальчика из его прислуги. Затем закрыли яму и, по словам византийского историка, «держали страдальца в тесноте и невообразимо несчастном положении. Нечего говорить уже о других неудобствах, о мраке и об удушливом воздухе; а скажу лишь об одном, более важном, что приводит меня в содрогание при одной мысли. Место, где сидели заключенные, было очень тесно; следовательно, по необходимости должны были находиться рядом горшок для известного употребления и хлеб. Можно себе представить, что должно было быть на душе у заключенных, во время еды при таком отвратительнейшем запахе! Но этого еще мало; горшок, поднимаемый вечером сторожами на веревке, часто опрокидывался деспоту на голову, потому ли что сторожа издевались над ним или по нечаянности».

Некоего Феодосия, показавшегося неудобным полководцу Велизарию, поместили в совершенно темное подземелье. Тут его привязали к яслям очень короткой веревкой, продетой за шею, так что он должен был стоять все время в согнутом положении и разогнуться не мог; не мог он ни сесть, ни лечь. На ясли клали ему пищу, которую он ел, как животное. В таком удручающем положении провел он четыре месяца, наконец, сошел с ума и был освобожден. Сейчас же после этого он умер.

Едва ли в каком-нибудь государстве взяточничество было так распространено, как в Византии.

Это была страшная язва, разъедавшая все византийское общество и в значительной степени способствовавшая падению восточно-римской империи. Случаи, когда судьи брали взятки с ответчиков в гражданском процессе, принадлежали к самым обыкновенным. Бывало, что судья возьмет взятку с обеих сторон – и с истца, и с ответчика. Тогда он, надув обоих, оставлял дело нерешенным. Молодые чиновники начинали обыкновенно службу со сборщика податей где-нибудь в провинции, и тут-то они проходили особую школу. Податная система была очень сложна, потому что было много всяких податей, налогов и сборов. Поземельная подать взыскивалась в разных размерах, смотря по тому, какой землей владел плательщик. Земля же делилась, говорит П.Безобразов, как и у нас в московском государстве, на три категории: хорошую, дурную и среднюю. Затем было множество дополнительных сборов, присчитывавшихся к ней. Эти прибавки появлялись, когда императоры считали нужным увеличить государственные доходы. Наконец, монетная система бала довольно путаная. Подать высчитывалась на полновесные золотые монеты. Между тем, императоры постоянно чеканили монеты, в которых лигатуры было более против положенного количества. Эти монеты подданные обязаны были принимать за полновесные, но государство не принимало их по номинальной цене. Например, крестьянину следует уплатить номизму (золотую монету в 4 рубля). Он дает сборщику податей монету, которая в ходу, но в которой нет узаконенного веса. Сборщик ее принимает, но высчитывает, сколько ему надо еще доплатить,

чтобы его монета имела номинальную ценность. Вот, этой путаницей пользовались молодые чиновники и, под видом податей, вымогали с народа гораздо больше денег, чем следовало платить. Излишек поступал, конечно, в их пользу, и таким путем составлялось не одно состояние. На вымогательства сборщиков податей общество смотрело до нельзя снисходительно, хотя по закону за это взимался громадный штраф. Однажды губернатор одной провинции собирался привлечь к суду или наказать собственною властью своего подчиненного, позволившего себе незаконные поборы при взимании податей. Провинившийся чиновник нашел сильного покровителя в лице важного сановника и знаменитого философа Пселла, который написал по этому поводу губернатору письмо приблизительно следующего содержания: «я уже просил тебя об этом молодом человеке и опять прошу: помогай ему при сборе податей и относись к нему благосклонно. Он не может довольствоваться законным сбором, потому что ему же нужно вернуть свои затраты. Ты, конечно, не позволяй ему поступать противозаконно, но не замечай того, что он делает, так чтобы тебе, глядя, не видеть и не слышать. Таким образом ты можешь в одно и тоже время избежать упрека в незаконных действиях и быть милостивым к сборщикам податей». Это письмо – драгоценнейший перл византийской литературы. У бедного сборщика были большие расходы, прежде чем он поступил на место, другими словами, он дал кому-нибудь приличную взятку: это – достаточная причина, чтобы обирать народ. Что же делать губернатору? Не смотреть, как его чиновники берут взятки и затыкать уши, если до него дойдет подобный слух. Тогда он и перед начальством будет чист (знать, мол, не знаю, ведать не ведаю) и с подчиненными будет жить в ладу. Вот мораль, достойная великого философа.

Другой отличительной чертой византийского общества было низкопоклонство и лакейство. По римской традиции, императора боготворили: его называли не только державным и великим, но также божественнейшим и священным. Самые важные сановники падали пред ним ниц и лобызали его пурпурные туфли и колени. В торжественных случаях царю произносили панегирики, необыкновенно напыщенные и необыкновенно лживые. Царствует, например, император самый непопулярный, распутный, и вот среди всеобщих стонов, среди всеобщего недовольства его развратом и тяжестью податей, во дворце раздаются слова оратора: «ты, царь, защитник бедных. Ты поощряешь добрых, караешь злых. Указами твоими ты ввел в государстве правосудие и справедливость, ты не позволяешь сборщикам податей брать незаконных поборов или судьям судить не по закону. Будь жив Гезиод, он вынужден был бы изменить свой порядок: он должен был бы сказать, что сначала был медный век, потом серебряный, а теперь наступил золотой».

X. Еще о недугах Нового Рима

Итак, под пышной декорацией скрывалась такая распущенность, что Рим, действовавший в этом отношении с грубой откровенностью, должен был уступить пальму первенства своему приемнику.

Суеверия, волшебство, гадания, симпатические средства – все это было очень распространено в Византии и не только в народе, но и среди образованного класса.

Думали, например, что существует особое существо в женском образе, так называемая Гило, отвратительная старуха, с огненными глазами, железными руками, с головы до пяток покрытая шерстью, похожею на верблюжью. Гило обладает свойством проходить через запертые двери. Она зла, и главное ее занятие заключается в том, что она убивает новорожденных младенцев. Она отравляет также воду источников, из которых пьет скот, и таким образом губит животных. Чтобы избавиться от нее, надо знать двенадцать имен, которые она носит. В тот дом, где знают эти имена, Гило не входит, но бежит за 5000 миль . Наблюдения над значительною смертностью малолетних подали, вероятно, повод к этому суеверию, так как, по некоторым сказаниям, Гило умела обращаться в духа, вселялась в младенцев и высасывали из них материнское молоко. Вера в Гило была так распространена, что однажды нескольких женщин привлекли к суду и обвинили в том, они оборачиваясь в духов и, проникая незаметно через запертые двери, убивали грудных детей. Обвинители были убеждены, что эти женщины умеют принимать вид Гило. К счастью, их судил просвещенный судья и оправдал обвиняемых, считая немыслимым превращения в призраки. Но дело на этом не кончилось. Император Константин Копроним (741 – 775 г .) усомнился в правильность такого решения. Он призвал к себе судью. Несмотря на пытки, судья стоял на своем, и только тогда царь решился утвердить его приговор. Волшебство и разные магические средства были в большом ходу. До наших времен дошел трактат, где собраны рецепты подобных средств. Порошок, приготовлявшийся из асфоделя, корня проскурняка, чечевицы, белого мака и лука, назывался противоголодом и обладал таким свойством, что, поев его, можно было много дней ничего не есть. Средство некоей Зинарии, состоявшее из ромашки, белого перца, меда, смирны, шафрана, обладало тем свойством, что стоило только поесть его, как сейчас же забывалось все дурное и вспоминалось только хорошее. Чтобы иметь детей, мужчина должен был намазаться заячьей кровью или гусиным жиром. Женщины, не желавшие иметь детей, носили пуп лягушки, завернутый в тряпочку. Было средство, изобличающее воров. Надо было вырезать у головастиков языки, засушить их и смешать с хлебом, затем предложить этот состав подозреваемому лицу. Если это был, действительно вор, он приходил в экстаз и публично сознавался в воровстве.

Разгадать будущее, найти способ предсказывать – это одна из тех неразрешимых загадок, которой человечество занималось больше всего.

В Византии практиковались всякие способы гадания, из которых многие перешли в наследство от древней Греции. Вырезали, например, кости животных и гадали по костям. В христианской стране, конечно, не могло быть речи о жертвенных животных и о жертвах богам, откуда произошел этот обычай; но делались вещи еще более дикие. Жители города Пергама, осажденные однажды сарацинами, схватили беременную женщину, собиравшуюся родить, вырезали из ее чрева младенца и бросили последнего в сосуд с кипятком. Чего они хотели достигнуть этим зверством, неизвестно, но, очевидно, они надеялись получить что-то хорошее за свою жестокость. Были люди, специально занимавшиеся предсказыванием будущего и бравшие за это деньги. Они гадали, главным образом, тремя способами: по особого рода книгам, по звездам и по снам. Существовали сибиллины книги, заключавшие загадочные и очень туманные изречения о византийских императорах. Эти загадки старались

объяснять и применять их в разных случаях. Вот, например, в сибиллиной книге было сказано: пятидесятая цифра возьмет перевес над сороковой. Когда против императора Михаила VII восстал Некифор Вотаниат, последнему на этом основании предсказали, что он победит и будет царем. Действительно, цифра 50 обозначалась у греков буквой Н, а 40 буквой М. По изречению, Н должно было одолеть М, то есть Никифор – Михаила. Снотолкование было своего рода наукой. Сны рассматривались, как особого рода откровения, как впечатление, получаемые душою в то время, как она в течение сна разлучается с телом. Не стоит распространяться об этом, потому что у нас самих до сих пор в большом ходу сонники, и Византия не представляла в этом отношении ничего оригинального. Астрология – наука столь же древняя, как мир, уступившая свое место астрономии и исчезнувшая с лица земли. Недостаточное знакомство с небесными явлениями привело людей к убеждению, что есть какая-то связь между движением светил и человеческими действиями. По положению звезд можно было сказать, удастся ли то или другое предприятие. Когда византийские императоры колебались в своих решениях, они призывали астрологов, и те объявляли, какой их ждет исход.

У древних греков и римлян существовало гадание, сохранившееся до настоящего времени. Раскрывали Гомера или Виргилия, читали первый попавшийся стих и считали его изречением оракула. В христианские времена священное писание заменило классических авторов. Закрыв глаза, развертывали библию или сочинение какого-нибудь отца церкви и попавшуюся случайно строчку считали ответом на вопрос, обращенный к судьбе. Способ этот практиковался в древней Руси, как нам известно из поучения Владимира Мономаха. Суеверные девицы до сих пор с закрытыми глазами раскрывают первую попавшуюся книгу и читают наудачу: «что мне выйдет». В связи с этим находится практиковавшийся в Византии обычай испытания судьбы двумя свитками. В чем он заключался, видно из следующего. Император Алексей Комнен желал выступить в поход против половцев, но приближенные к нему лица находили это неблагоразумным. Чтобы не подвергать себя упрекам и снять с себя ответственность, император, не возражая против общего голоса, обратился к высшей воле и объявил, что он отдает решение вопроса на волю божию. Сопровождаемый военными чинами и многочисленным духовенством император отправился вечером в храм святой Софии. В присутствии патриарха, он написал два жребия на двух хартиях, то есть, на одной было написано, что следует идти в поход против половцев, на другой – не следует. По приказанию императора, патриарх положил оба жребия на престол великой церкви, где они и оставались во время всенощного бдения. По окончании богослужения, уже утром патриарх снова вошел в алтарь и вынес одну из хартий, которая была при всех распечатана и громогласно прочитана. Вышел жребий, решающий поход на половцев, и против этого никто уже не возражал. Таким образом неоднократно решались важнейшие государственные вопросы.

Точно так же избирались игумены монастырей. Выбирали трех кандидатов, записывали их имена на хартии, клали на престол, затем брали одну их хартий и считали избранным того, чье имя было вынуто.

У нас, на Руси, этот способ также был в ходу при избрании новгородского епископа.

В Византии происходили постоянно очень таинственные и сверх естественные явления, о которых сообщают летописцы. Вот, например, в субботу первой недели поста, царь Андроник Палеолог (XIV века) отправился в церковь и присутствовал при всенощном бдении, начинавшемся в то время поздно вечером. К нему прибегают люди и сообщают, что случилось нечто необыкновенное: они слышали громкое ржание, между тем как ни во дворце, ни по соседству нет ни одной лошади. Все смутились, и в то время, как рассуждали об этом таинственном явлении, раздалось опять громкое ржание. Царь приказал исследовать это дело, и оказалось, что ржет лошадь, нарисованная на одной из стен дворца. Первый министр очень обрадовался этому и объявил царю, что ржание предвещает победу против турок. Но царь с ним не согласился. По его словам эта самая нарисованная лошадь ржала в царствова-

ние его отца, и тогда случилось большое бедствие. Действительно, на другой же день стоявшая на площади колонна со статуей Византа, основателя Византии, начала шататься и шаталась несколько дней. Это уже, очевидно, было не к добру. Тогда царь с первым министром достали книги, где записаны были разные оракулы, занялись астрологическими выкладками и, на основании всего этого, пришли к убеждению, что надо ждать нашествия неприятеля и смут в государстве.

Царь Михаил Палеолог отправился в Солун и прожив здесь год, умер, как это ему было предсказано. А предсказание заключалось в следующем. Когда он был в Андрианополе, во дворце открыли над дверями круг, а в кругу этом – изображение четырех животных: льва, барса, лисицы и зайца. Над этими животными оказались стихи, в которых было сказано, что в Салун поселится один царь из дома Палеологов и умрет там. «Этот круг» – рассказывает историк того времени, – «находился от пола на высоте двух мужчин. Невероятно, чтобы стихи эти написал человек. Нельзя думать, чтобы кто-нибудь подставлял лестницу и влезал туда для писания в то время, как во дворце находился царь, и множество народу постоянно входило и выходило».

Распространение в народе оракулов иногда имело грустные последствия. Так, один царь казнил некоего Пахомия только по тому, что по Константинополю ходило предсказание, будто приемником его будет Пахомий! Никто не решался отвергать возможность гадания и значение, которое имеют разные предзнаменования вроде затмения, шатания колонны и тому подобное. Но образованные люди старались подыскать этому ученое объяснение. Вот, что пишет по этому поводу один ученейший писатель XIV века: «Что затмения небесных светил предвещают земные страдания, этого, думаю, не станет опровергать никто, разве кто любит попусту спорить. Если бы кто вздумал убедить такого человека словом, тогда как его не могут убедить совершающиеся в разные времена и в разных местах события, то он понапрасну стал бы трудиться и поступил бы крайне нерассудительно, взявшись учить неспособного к учению. Что бывает с телом человека, то происходит и с организмом вселенной. Мир, как и человек – органическое целое, состоящее из частей и членов. Как у человека боль головы или шеи производит жестокое страдание в голенях и пятках, так и в организме вселенной страдания небесных светил доходят до земли и дают себя чувствовать и здесь». «Может быть, кто-нибудь недоумевает», – говорит тот же писатель, – «откуда берутся и как появляются оракулы, которые ходят между людьми, а также почему они, заключая в себе указание на будущее, изображают его в чертах, чрезвычайно загадочных. Кто был их составителем и кто передал их последующим поколениям, об этом мы не находим ничего ни у историков, ни у других писателей. Все они замечают только, что в то или другое время тот или другой оракул ходил в народ и впоследствии оправдался тем или другим событием. А кому обязан своим происхождением каждый из них, этого решительно никто не может сказать и объяснить, если только не захочет солгать. По мнению некоторых, какие-то служебные силы летают вокруг земли, присматриваясь к тому, что происходит здесь, и, получив свыше знания о будущих событиях, передают его людям то в сновидениях, то при помощи звезд, то с какого-нибудь дельфийскоое треножника, то при посредстве внутренностей жертвенных животных, а иногда посредством голоса, сначала неопределенно раздающегося в воздухе, а потом раздельно в ушах каждого. Этот-то голос древние мудрецы и называли божественным. Часто случалось также, что на скалах или стенах находили письмена, без всякого указания на того, кто их написал. Но все оракулы даются не иначе, как загадочно и не совсем ясно, чтобы, подобно царским регалиям, оставаться священными и недоступными для толпы. Известно, к чему открыты доступы всякому, то мало ценят и уважают. Нельзя, однако, сказать, чтобы польза от оракулов была ничтожна, если рассматривать их не поверхностно, а с должным вниманием. Для одних они служат наказанием, для других – благодеянием. Руководствуясь ими, одни, заранее приняв умные меры, или смягчали грозившие им

бедствия, или даже совсем отклоняли их от себя, умилостивив Бога исправлением своей жизни. Но для людей малодушных ожидание грядущих бедствий становится сущим наказанием. Они заранее страдают от того, от чего должны еще пострадать, и это – по усмотрению Промысла, Чтобы сильнее наказать их за то, в чем они согрешили. Если же некоторые оракулы оказываются ложными, то это только потому, что их не умеют правильно истолковать».

Естественно, что в Византии верили в чудотворные иконы, так как учение религии признает в них действительные, реальные факты.

Но характерно то, что в Византии чудеса, творимые иконами, могли иметь силу судебного доказательства. П.Безобразов указывает на один случай подобного рода, ставший известным очень недавно, только тогда, когда он открыл в одной рукописи ватиканской библиотеки интереснейший протокол, остающийся до сих пор не напечатанным.

В одном из главных константинопольских храмов, во Влахернском, была икона Божьей Матери, обладавшая особенным чудодейственным свойством. Она находилась на правой стороне иконостаса и была задрапирована куском материи, как до сих пор, по древнему обычаю, драпируются иконы в Греции. В обыкновенное время драпировка вполне закрывала лик Богородицы, а по субботам, во время утрени, драпировка внезапно раскрывалась или поднималась к верху, и молящимся являлся скрытый обыкновенно лик Божьей Матери. Чудо это называлось обычным м свершалось еженедельно, но, кроме того, оно могло явиться по какому-нибудь особенному поводу и в другое время. Выступая в поход, императоры имели обыкновение помолиться во Влахернской церкви и, когда при этом не совершалось чуда, они считали это за дурное предзнаменование. Так, например, царь Алексей Комнен решил начать поход против Боэмунда Таренского 1 ноября 1107 года, но испугался, потому что Влахернская Божия Матерь не явила обычного чуда, когда он выходил их храма. Он принял это за зловещий признак и решил подождать четыре дня. Затем он отправился вновь во Влахернский храм. После его усердной молитвы, чудо свершилось, и он вышел из церкви уверенный в победе.

Один гражданский иск был решен однажды на основании такого чуда. Воевода Лев Мадал поспорил с Каллийским монастырем, кому должна принадлежать одна мельница, стоявшая на границе их владений. Судились они несколько раз, и судьи присуждали мельницу то одной стороне, то другой, потому что ни у воеводы, ни у монастыря не было в руках надлежащих документов. Последний раз, когда они судились, судья постановил владеть им мельницей сообща, но это давало повод к массе пререканий, никого не удовлетворяло, и они порешили покончить дело без суда, полюбовно. Думали, думали и рассудили сделать так: рано поутру отправиться обеим сторонам в Влахернский храм, стать против чудотворной иконы Богородицы и молить ее быть судьею в их деле. А самую тяжбу решить таким способом: если завеса на иконе останется неподвижною, признать, что дело выиграли монахи, если же она задвигается, и, следовательно, чудо совершится, признать, что прав воевода. На этом основании, воевода и монахи написали форменный договор, который они, во всяком случае, обязаны были исполнить. Как условились, так и сделали.

Обе стороны пришли во Влахернский храм, стали против иконы, молились со слезами и ожидали решения своей участи от того, придет ли в движение или нет завеса на иконе. Прождали некоторое время, завеса оставалась неподвижною. Это было сочтено за решение и окончание дела. Монахи радовались своей победе, а воевода стоял опечаленный, осужденный судом Божьим. Воевода собирался уже передать монахам письменное удостоверение, что признает себя осужденным и отказывается от права владеть половиною мельницы, как вдруг завеса на иконе Божией Матери поднялась на воздухе. Дело приняло иной оборот: радовавшиеся опечалились, а опечаленный преисполнился радости и удовольствия. Монахи стали говорить, что чудо свершилось слишком поздно. Утверждали, что завеса пришла в движение не скоро, что чудо свершилось не в то время, когда молились стороны, а тогда,

когда воевода признал монастырь владельцем мельницы. Они говорили, что чудо указывает на их правоту и явилось, как знак согласия на то, что хотел сделать воевода, собиравшийся в эту минуту отказаться от своих прав на мельницу. Спор, однако, продолжался, и дело было доведено до сведения императора Михаила Дуки. Он приказал Пселлу разобрать тяжбу и написать протокол и судебный приговор. Надо было оформить этот оригинальный процесс, подыскать статьи закона, поставить все дело на юридическую почву. Такому тонкому диалектику, как Пселл, сделать это было нетрудно. Прежде всего желательно было решить эту тяжбу окончательно и устранить всякий повод к новому ее пересмотру. Поэтому соглашение сторон было понято таким образом, что он обратился к третейскому суду. Третейский суд признавался законами, и притом на него нельзя было аппелировать. Следовательно, знамение чудотворной иконы должно рассматриваться, как приговор третейского судьи. В чью же пользу клонится этот приговор? Очевидно, в пользу воеводы. Он выиграл процесс, потому что чудо явилось. Возражение же монахов будто чудо явилось слишком поздно, когда они собирались уходит из церкви, ничего не доказывает: в условии не было сказано, когда ждать чудесного знамения и сколько стоять в церкви. На этом основании было написано судебное постановление, подписанное подлежащими властями. Оно служило воеводе оправдательным документом и давало ему право владеть спорной мельницей.

Вот Византия – пышная преемница когда-то славного Рима.

Чтобы покончить с ее недугами, мы должны показать, чем была византийская женщина, так как и в Новом Риме дочери Евы играли роль, пожалуй, еще более видную, чем в старом.

XI. Женщина Нового Рима

Византия, приняв всю свою культуру от Рима, вместе с тем, не отрешилась и от азиатского деспотизма, что в особенности сказалось в положении византийский женщин.

В византийской империи женщина не пользовалась большим уважением.

Ее считали порождением дьявола, виновницей грехопадения рода человеческого, существом слабым и нечистым, предназначенным быть служанкой и рабой мужчины [14]. Она никогда не была самостоятельной, никогда не имела права распоряжаться ни собою, ни имуществом. До замужества она вполне починялась отцу; выданная замуж отцом за человека, которого часто в глаза не видела, она попадала в полное подчинение к мужу. Данное ей отцом приданое отдавалось мужу, который мог распоряжаться ее доходами по своему усмотрению, не имея только права отчуждать капитал. Но, если она расходилась с мужем, приданое возвращалось не ей, а ее отцу.

Жена была до некоторой степени свободна только у себя дома. Тут она могла и даже обязана была заниматься своими домашним хозяйством и женскими рукоделиями. Но выходить из дому, бывать в театре или цирке она могла только с разрешения мужа. Ослушание в подобных случаях считалось преступлением.

Даже в собственном доме свобода была ограничена. Ей отводилась отдельная половина дома, называвшаяся гинекеем, откуда она не имела права выходить, когда у ее мужа сидели гости – мужчины.

На этом основании, один византийский писатель дает совет не помещать у себя дома приезжих гостей.

«Если имеешь друга» – говорит он, – «живущего где-нибудь в другом городе, и он проезжает городом, в котором ты живешь, не помещай его в своем доме, но пусть он остановится в другом месте, а ты посылай ему все нужное. Если же ты поместишь его в своем доме, то послушай, сколько из-за этого произойдет неприятностей. Во-первых, ни жена твоя, ни дочери не будут иметь свободы выходить из комнаты своей и распоряжаться в доме, как следует. А если же им будет неотложная нужда выйти, то друг твой вытянет шею и устремит на них свои глаза. Пока ты будешь стоять вместе с ним, он, конечно, притворно потупит голову, но все-таки будет подсматривать, какая у них походка, как они поворачиваются, как подпоясаны и какой у них взгляд, одним словом, будет их оглядывать с головы до ног, а после станет передразнивать пред своими домашними и осмеивать. Если он найдет удобный случай, он будет делать любовные знаки твоей жене, будет на нее смотреть бесстыдными глазами. Если может, то и соблазнит ее. Если же и нет, то все-таки, когда уйдет, похвастает, чем не следует».

Так мало доверяли своим женам византийцы.

Они не допускали, чтобы можно было разговаривать с женщиной без грязного намерения, так как видели в ней исключительно орудие наслаждения. Полное бесправие византийской женщины видно из того факта, что она не могла быть свидетельницей на суде, а также из тех поводов, по которым она могла требовать развода. По византийским законам, муж мог требовать развода в следующих случаях: 1) если жена принимала участие в заговоре против царя и не сообщала об этом мужу; 2) если жена была ему неверна; 3) если жена намеревалась убить его; 4) если она без согласия мужа принимала участие в пиршествах с посторонними мужчинами или мылась вместе с ними в бане; 5) если она без ведома или против желания мужа отправлялась в театр или цирк; 6) если против желания мужа проведет ночь вне дома, где бы ни было, исключая только родительского дома.

[14] См. статью П.Безобразова.

В последнем случае закон оговаривал, что если муж выгонит жену из дома, и она, не имея родителей, переночует у знакомых, это не может считаться поводом к разводу.

Жена имела право требовать развода: 1) когда муж без ее ведома принимал участие в заговоре против императора; 2) когда он имел намерение убить ее; 3) когда он старался тем или иным способом заставить ее совершать прелюбодеяние; 4) когда был неспособен и это продолжалось три года с момента вступления в брак.

Сейчас же бросается в глаза, что неверность мужа не служила поводом к разводу. Мужу достаточно было застать в комнате жены постороннего мужчину, чтобы обличить ее и развестись. Жена же могла ссылаться на неверность мужа только в совершенно исключительных случаях. Единичного факта было мало, нужно было доказать, что муж изменяет постоянно. И даже в таком случае развод давался только после усиленных увещаний родителей жены, когда муж категорически заявлял, что не намерен отказаться от своего преступного образа жизни.

Зато византийский закон предоставлял мужу множество поводов к разводу, так как он требовал полнейшего подчинения жены, и, в случае малейшего неповиновения с ее стороны, муж мог бросить ее.

Пойти в театр, принять приглашение на обед, где будут посторонние мужчины – все это считалось для женщины зазорным, подобные поступки могли себе позволить только преступная жена.

Вот еще одна несправедливость византийского закона относительно женщин.

Когда жена получала развод по собственной вине, она не имела права вступать в новый брак раньше, как через пять лет, но когда муж был признан виновным, она не могла венчаться раньше, как через год.

А разведенному мужу никто не мешал жениться вторично хоть в тот самый день, когда был получен развод. Таким образом, сам закон делал некоторую поблажку мужу в бракоразводных делах. Это не значит, однако, чтобы византийские законы не карали преступлений против нравственности, совершаемых мужчиною. De jure мужчина отвечал наравне с женщиною, и за безнравственные поступки полагалось очень строгие наказания. Незаконная связь между родственниками каралась или простым телесным наказанием, или отсечением руки, или смертной казнью, смотря по степеням родства. За обыкновенное прелюбодеяние отрезали нос. Впрочем, в некоторых случаях можно было отделаться штрафом. Вступавший в связь с невинной девушкой с ее согласия, в случае, если отказывался жениться, обязан был по закону уплатить ей литру золота (около 280 золотых рублей). Несостоятельных подвергали телесному наказанию и ссылали.

Кроме того, в Византии существовал один обычай, который должен был очень вредно отзываться на семейной нравственности. Родители или, лучше сказать, отцы обручали детей во время малолетства, и, выросши, эти несчастные дети обязаны были исполнить обещание, данное за них родителями. Обыкновенно при этом писался форменный брачный договор, жених давал задаток, получал приданое и обязывался жениться впоследствии на девочке. Закон признавал подобные контракты и требовал, чтобы они не нарушались. Он ставил только одно ограничение: жениху и невесте должно было быть, по крайней мере, семь лет – не меньше. Замечательно, что этот обычай перешел к нам, и в московском государстве точно также обручались дети, и составлялись обязательные контракты, называвшиеся рядными записями.

Когда обручали семилетнюю девочку, конечно, не могло быть речи о любви с ее стороны: родители старались устроить детям выгодную партию, и привязанность супругов, единственное условие счастливого брака, не входила в их соображение. Сколько трагических случаев должно было возникнуть из этого нелепого обычая! Выросшая, девочка нередко замечала, что жених ей антипатичен, что она любит другого, но, тем не менее, она

обязана была выйти за нелюбимого человека. Таких случаев, несомненно, было множество и едва ли они могли способствовать семейному счастью. Раннее обручение детей имело еще другую вредную сторону. Родители требовали, чтобы свадьба была отпразднована, как только невеста вступит в законный возраст, а по византийским законам жениться можно было 14 лет, выходить замуж – двенадцати. Хотя на юге женщины развиваются быстрее, тем не менее нельзя предполагать, чтобы двенадцатилетняя девочка была окончательно сформирована, и понятно,как вредно отзывались такие ранние браки в физическом и нравственном отношениях. Если простые смертные обручали детей в нежном возрасте, то это всего чаще случалось в императорской фамилии, где браки имели большое политическое значение. Нечего и говорить уже о том, что дипломатия не признавала любви: это иначе быть не может; но историки сообщили нам ряд самых возмутительных и безобразных фактов, творившихся во дворце. Византийские императоры не признавали закона, а потому считали возможным выдавать замуж дочерей, не достигших 12 лет. Так, например, восьмилетняя царевна была выдана замуж за сорокалетнего сербского короля, и хотя последний поклялся, что пощадит девочку и дождется зрелого возраста, он этого не исполнил, вследствие чего у его жены никогда не было детей. Император Андроник I (XII века) сверг с престола Алексея и женился на его невесте, одиннадцатилетней Марии, тогда как ему самому было уже пятьдесят лет, и на голове только кое-где росли седые волосы. Елена, дочь болгарского князя Асеня, была выдана замуж 11 лет за Федора, сына императора Иоанна Дуки. Можно бы привести много подобных фактов, но и сказанного довольно, чтобы иметь понятие о безобразном обычае.

Курьезно то, что этот обычай сохранился до нашего времени.

До сих пор в Греции родители, не спросивши дочери, обручают ее с каким-нибудь молодым человеком по своему выбору и заключают при этом формальный брачный контракт от своего имени.

XII. Значение женщины в Византии

Не все, что сказано выше, касается женщин средних кругов.

В общем женщина Византии по своему развитию ни мало не уступала женщинам Рима. Несмотря на то, что женщинам считалось неприлично показываться на улице, и им полагалось довольствоваться домашнею жизнью, девочек все-таки учили и некоторым давали даже отличное образование. Были ли отдельные школы для девочек – неизвестно, но есть несколько указаний, что девочек учили грамоте. В то время могли давать образование своим детям только люди состоятельные, поэтому высокообразованных женщин мы видим только в высших сферах. Известны две византийские писательницы: Евдокия Макремволитиса и Анна Комнен.

Евдокия была замужем за Константином Дукою, случайно попавшим на престол в 1059 году. Следовательно, хотя она и была императрицей, но получила такое же воспитание, как и другие византийские аристократки. Она написала особого рода христоматию, где сначала изложены басни и разные фантастические рассказы, генеалогия языческих богов, превращение героев и героинь, мифы и аллегории, а за этим следуют выдержки из разных писателей – философов, медиков, риторов, поэтов, с биографическими сведениями об этих писателях и с перечислением их сочинений. Из труда Евдокии видно, что она великолепно знала греческую литературу и в начитанности не уступала самым ученым византийцам.

Анна Комнен описала в двенадцати книгах деяния своего отца, императора Алексея (1081 – 1118). Это – солидный труд, составленный не только по рассказам очевидцев, но и по подлинным документам. Из него видно, что византийская царевна вполне овладела византийской риторикой и философией; она умела писать искусственным языком, каким писали в ее время. Язык этот не имел ничего общего с живою разговорной речью. Византийцы старались писать языком древних авторов, Платона и Фукидида, уснащали свои произведения множеством архаизмов, оборотов, давно вышедших из употребления, почерпнутых из классик и священного писания. Нужно было много учиться, чтобы писать таким искусственным языком, и, таким образом, самый факт, что Анна Комнен писала на языке, на котором давно никто не говорил, доказывает, как она была образована.

Поэтому женщины играли в Византии немаловажную роль, по крайней мере, некоторые, особенно в придворном быту.

Императрицы нередко вмешивались в политику и подавали советы мужьям.

Выдающуюся роль играла в свое время императрица Феодора, супруга Юстиниана.

Она была дочерью укротителя зверей и в первой молодости плясала на театре. Ею пленился Юстиниан, женился на ней и короновал императрицей. Она была не только чрезвычайно красива, но необыкновенно умна и энергична.

Юстиниан постоянно советовался с ней, и она с большим жаром старалась приводить в исполнение внушенные ею планы. Она с необыкновенною проницательностью разгадывала своих противников, а ее разгадать было трудно. Она могла быть и верным другом, и самым беспощадным врагом. Среди неги, которой она предавалась, среди роскошной и беспутной жизни, она находила время заниматься государственными делами, вмешивалась даже в церковные дела и богословские споры.

И, вот, старики рассказывают следующую сцену.

Феодора принимает во дворце епископов мартирополького и анкирского.

– С твоего разрешения мы прибегаем к тебе, владычица, – сказал епископ анкирский. – Досточтимый патриарх антиохийский Север, наш отец, наш владыка, смещен за то, что он – противник халкидонского собора (против монофизитов). Народ отказывается признать патриарха, занявшего его место; поднялся бунт, проливается кровь. Мы разделяем учение

Севера. Император пригласил нас на совет вместе с другими епископами, которые держатся противоположных мнений, чтоб обсудить вопросы, волнующие восточную церковь. Мы умоляем тебя склонить на нашу сторону твоего супруга, этого нового Давида.

– Каким образом, – ответила Феодора, – может женщина рассудить эти глубокие философский споры, происходящие между вами, людьми, служащими украшением церкви?

– Мы не верим безумному Евтихию, – продолжал епископ анкирский, – отрицающему воплощение Христа, мы не одобряем Нестория, но мы верим вместе с Севером, что Исус принял плоть бесстрастную и не страдал на самом деле телесным страданием.

– Правда, – ответила императрица, – что тело Спасителя отличалось от нашего.

– Мудрость глаголет твоими устами, владычица, – сказал епископ мартиропольский. – Божественное тело не могло иметь никаких плотских слабостей; Христос не мог ощущать голода и жажды.

– Мне кажется, это учение более подходит к величию Божества. Впрочем, император рассудит это. Бог дал ему свет, рассеивающий мрак всех ересей.

Епископы удалились, очарованные милостивым вниманием и благочестием императрицы.

У Феодоры была своя тайная полиция, главным агентом которой была одна женщина, Хариклея. Это была женщина весьма подозрительная, служившая Феодоре помощницей в ее любовных интригах, когда она не была еще на престоле. Тогда ее звали Македонией. Чтобы скрыть ее прошлое, императрица велела ей называться Хариклеей. Официально ее обязанность состояла в том, чтобы раздавать милостыню бедным, неофициально же – в шпионстве. Однажды императрица позвала к себе Хариклею.

– Экивал еще жив, – сказала она глухим голосом.

– Если бы все, кого ты ненавидишь, были настолько же живы, как он! – ответила Хариклея. – Ты должно быть, во сне видела этот преследующий тебя образ. Вот, уже десять лет, как он умер в Антиохии.

Экевал был губернатором одной из византийских провинций. С ним Феодора жила некоторое время, и он же прогнал ее в конце концов и жестоко оскорбил.

– Нет, нет! – сказала Феодора. – Я видела вчера на улице старика, одетого по-персидски, который все шел рядом с моей стражей и как-будто старался пробраться к моей колеснице – это он!

– В самом деле, – ответила с ужасом Хариклея, – я уже несколько дней замечаю, что меня преследует какой-то странный человек, которого я как-будто знаю и который, видимо, желает заговорить со мной.

– Если бы я сомневалась, то теперь перестала бы. Так человек, прогнавший меня, как прогоняют рабыню, человек, который мог бы под моей пурпурной мантией показать следы нанесенных им мне ударов, этот человек живет в Константинополе и рассказывает о своих любовных похождениях с Феодорой! Он жив в то время, как я царствую?

– Ну, не долго будет жить. Впрочем, какое дело тебе, живущей на Олимпе, до шипения какой-то змеи?

– На ступенях этого трона, блеск которого ослепляет тебя, сидят неумолимые враги. Они не забывают, что я когда-то плясала на театре. Как они торжествуют, что я не родилась наследником престола! Надо мной тяготеет какое-то проклятие. Когда приходил из Палестины Савва, которого считают святым и которому приписывают чудодейственную силу, я унижалась перед ним, я просила его помолиться, чтобы у меня был сын. Он отказал мне. Он осмелился сказать императору, что из моей утробы никогда не выйдет сына, потому что он был бы вскормлен нечестивыми догматами Севера и смущал бы церковь. Он – заодно с моими врагами, с представителями прежней династии. Император не обращает на них никакого внимания, но я – на стороже. Преследование монофизитов может привести к бунту. Пар-

тия зеленых, ненавидящая меня, очень взволнована. Собирается страшная гроза. Ты помнишь, какая удивительная комета появилась два месяца тому назад?

– Да, есть и другие зловещие предзнаменования. На днях видели, как одна статуя проливала слезы, да и слезы-то были не простые, а кровавые.

– Отсюда, из этого дворца, я слышу крики ненависти тех, кто хотел бы совлечь меня с трона. Приближается роковой день, когда все погибнет или все будет спасено. Пусть он наступает скорее, я устала сражаться с гидрой, у которой тысяча голов, постоянно вырастающих вновь, по мере того как их отрубаешь. Отец мой был укротителем зверей, я продолжаю его ремесло. Я тоже кормлю и укрощаю диких зверей. Я постоянно чувствую их дыхание, и на моих руках следы их укусов.

Императрица побледнела и легла отдохнуть на несколько минут.

– Смотри, Македония, – сказала она, оправившись, – не дремать! Предупреди сегодня же Елиазара. Пусть тот исчезнет без шума.

Смеркалось, когда Хариклея вышла из дворца и направилась к еврею Елиазару, секретному агенту императрицы. Евреи не принимали никакого участия в религиозных и политических распрях того времени, поэтому они лучше всех исполняли всякие даваемые им тайные поручения.

Когда Хариклея свернула в узкую и темную улицу, она заметила, что незнакомец, о котором она говорила с императрицей, следует за ней. Он подходил к ней несколько раз, но, по видимому, колебался.

– Македония, – сказал он, наконец.

Она вздрогнула, услышав свое настоящее имя, и, ничего не ответила, пошла дальше.

– Македония! – позвал незнакомец еще раз и схватил ее за руку.

– Что тебе нужно от Хариклеи? – спросила она, высвобождаясь.

– Мы давно знакомы, – ответил он грубым голосом. – Я сейчас же узнал тебя: десять лет не настолько изменили ту, что помогла мне в интриге с Феодорой. Года оставили на моем лице неизгладимые следы, но не может быть, чтобы ты забыла Экевала.

Она посмотрела на него с ужасом.

– Ты думала, что я умер? Не правда ли? Все это говорили. Я сам распустил этот слух, когда расстался с этой женщиной. Меня лишили места, я впал в нищету, потерял жену и сына. Потом я скрывался в Аравии, где жил кое-как, торгуя ароматами.

– Какое падение! – сказала Македония.

– Обеднеть, лишиться высокого положения – это бы еще ничего. Но, вот, я вдруг почувствовал, что эта женщина, которую я прогнал, жестоко оскорбив ее, стала мне необходима, как воздух – вот, это истинное мучение. Ее обольстительный образ являлся ко мне по ночам, смущал меня даже днем. Я напрасно искал ее. Я не знал, куда она девалась.

– Она возвратилась в Константинополь и жила здесь в такой же бедности, как ты.

– Проходили годы, я начал успокаиваться, и вдруг до меня доходит неслыханная весть: Феодора на троне. Я долго не верил этому.

– Почему же? Разве ты не знаешь, что такое лучезарное существо, как Феодора, Аспазия, Клеопатра, имеют особую прелесть, которой все покоряется. Это – бриллианты необъятной величины, которые могут временно валятся в грязи, но которые непременно попадут в царскую корону.

– Когда странный слух оправдался, я устремился сюда, я страстно пожелал увидеть ее. Напрасно старался я поборот это безумное желание. Случайно я встретил тебя на улице. Я сейчас же узнал Македонию, единственную женщину, которая может напомнить ей об Экевале.

– Увидеть ее! Ты требуешь слишком многого, – сказала Македония. – Пойди к императору, объясни ему, что ты имеешь больше прав на Феодору, потому что раньше овладел

ею, и проси отдать Феодору, без которой ты не можешь жить. Да кстати потребуй, чтобы он уступил тебе корону.

– Ты насмехаешься надо мною. Если я желаю увидеть ее, намерения у меня самые чистые. Я мечтаю об этом, как мечтают увидеть Бога, я хочу насладиться ее лицезрением. Слушай, я видел вчера, как она возвращалась во дворец. Нитки жемчуга, спускавшиеся с диадемы, окаймляли ее щеки. Ее величественная фигура была величаво-спокойна. Приветственные возгласы толпы поднимались к ней, как Фимиам к небесам. Это ли, – думал я, – актриса, обольстительная сирена? В первый раз через десять лет, увидел я ее лицо. Мне сделалось дурно, я должен был схватиться за колонну.

– Успокойся, Экевал. Даже слыша твой голос, я сомневалась, ты ли это, но теперь узнаю тебя по страсти, которая все еще кипит в тебе. Для нашего брата любовь – забава, но для таких людей, как ты, это – яд, отравляющий кровь, от которого не избавишься. Ты мне очень жалок! Хотя я посвятила себя благотворениям и раздаю бедным деньги, получаемые от императрицы, я постараюсь помочь тебе. Но скажи: у кого ты живешь?

– Я остановился под именем Аркаса в одной гостинице.

– Однако, это не безопасно. Твое приключение с Феодорой слишком известно, тебя легко могут узнать. Тебе необходимо укрыться где-нибудь и сделаться совсем другим лицом. У меня был брат, он уехал восемь лет тому назад и исчез бесследно, его знали Вианором.

– Да, я видел его в Сирии.

– Ты понял: Экевал умер, а пускай появится вновь Вианор. Я устрою все это, и тебе можно будет всюду показываться и добиться свидания с императрицей.

– Как, я увижу ее?

– Разве вчера она не говорила мне о тебе? Никто не помешает мне привести к ней моего нашедшегося брата, потому что ты для всех, кроме нее, будешь моим братом. Счастливая звезда привела тебя в Константинополь. Императрица страшна врагам, но кого любит – богато одаряет. Она сумеет сделать тебя опять богатым и важным сановником. Жди удобной минуты, она настанет очень скоро, может быть, через два-три дня. Я сведу тебя в дом моей большой подруги. Это – еврейское семейство, где ты будешь в полной безопасности. Живут они далеко отсюда, но, тем не менее, пойдем.

Долго шли они по константинопольским улицам, наконец, Македония остановилась у одного дома и постучала три раза в дверь. Появилась старая еврейка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.